

Кандидат юридических наук
капитан юстиции П. П. МИХАЙЛЕНКО

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПЕРИОД ДО ЕГО КОДИФИКАЦИИ

История украинского советского уголовного законодательства, его первые шаги неразрывно связаны с «триумфальным шествием советской власти» и характеризуются разрушением старой буржуазно-помещичьей государственной машины. Все источники дореволюционного законодательства и права в первые же дни революции были сданы в архив истории. Появилось новое законодательство и новое право, источником которых являлась диктатура пролетариата, на первых порах выражавшаяся в декретах советской власти и социалистическом правосознании судей, которые в тот период непосредственно сами создавали новое, советское социалистическое уголовное право.

Процесс упразднения старого и зарождение нового права, как и всякий процесс создания новой идеологии, был сложным. Рабочий класс, взяв власть в свои руки и уничтожив законы старой, царской России, не мог одним росчерком пера создать детально разработанное уголовное законодательство. Издаваемые законы, которые по своей форме нередко были несовершенно, корректировались на ходу, видоизменялись, расширялись и дополнялись Советами на местах, исходя из времени и места. Ленин писал о них: «Пусть с точки зрения буржуазного общества эти законы страдают формальными недочетами, но, ведь, власть в руках Советов, которые могут внести необходимые коррективы... Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством. Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности»¹.

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 45.

Ленин высоко ценил правотворчество народных масс, которые уже успели свергнуть власть буржуазии и установить новый тип государства — власть Советов. Ленин видел, что это творчество идет по пути упрочения диктатуры пролетариата, по пути передачи руководства огромным государством рабочему классу, который к этому времени стал в стране господствующим классом, и потому доверял ему.

Советское уголовное право на Украине, как и в РСФСР, складывалось и развивалось на основе ленинско-сталинского учения о Советском государстве; оно отражало и отражает политику партии на разных этапах развития Советского социалистического государства.

Вот почему изучение развития уголовного законодательства и уголовного права Советской Украины на ее раннем этапе необходимо производить в связи с развитием Украинского Советского социалистического государства.

Наша попытка, насколько нам известно, является одной из первых на пути исследования украинского уголовного законодательства до его кодификации, поэтому она не может претендовать на исчерпывающее исследование вопроса. Автор этих строк, собирая и систематизируя уголовные законы УССР, преследует более узкие цели, он только пытается показать, что украинское советское уголовное законодательство в своем развитии опиралось на широкое правотворчество революционных масс украинского народа, шедшее по пути, начертанному Лениным и Сталиным еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции; что уголовное законодательство Советской Украины не являлось чем-то обособленным и в корне отличным от уголовного законодательства Российской Федерации, а шло оно теми же путями, что и уголовное законодательство РСФСР, отражая лишь специфику установления советской власти на Украине в борьбе с многочисленными, друг друга сменяемыми, контрреволюционными правительствами и бандитизмом; что в своем развитии оно нередко ставило вопросы об отдельных принципах и институтах уголовного права раньше, нежели они появлялись в законодательстве РСФСР, чем в известной мере прокладывало путь советскому уголовному законодательству.

Уголовное законодательство и правотворчество народных масс первых дней существования Советской Украины

Нормы уголовного права в законодательных актах правительства Украинской Советской республики появились задолго до формального введения судов на Украине, т. е. до издания постановления Народного секретариата Украинской Советской республики «О введении народного суда». Эти нормы

были облечены в форму постановлений правительства, а также приказов, обращений, распоряжений и другого вида предписаний ведомственных органов. Среди них можно отметить постановление I Всеукраинского съезда Советов от 11—12 (24—25) декабря 1917 года «О власти на Украине», Распоряжение Народного секретаря внутренних дел «От Народного секретаря по внутренним делам Украинской Народной республики», «Приказ № 21 по министерству почт и телеграфов от 12 декабря 1917 г. по Харьковскому почтово-телеграфному округу» и другие.

Все эти, как и другие ранние законодательные акты советской власти, еще не были в достаточной степени разработаны и нередко объединяли в себе вопросы административного права, материального уголовного права, процесса и судостроительства.

Кроме законодательных актов по уголовному праву, изданных правительством Украинской республики, на территории борющейся Украины также действовали декреты правительства Советской Федерации, которые были распространены Временным Центральным Исполнительным Комитетом, выделенным из состава I Всеукраинского съезда Советов 11—12 (24—25) декабря 1917 года, по постановлению съезда «О власти на Украине». Подавляющее большинство законодательных актов Российской Федерации вскоре было введено на территории УССР, причем иногда эти акты полностью воспроизводили текст законодательства РСФСР, в других же случаях содержали основные мысли этих законов с соответствующей переработкой текста.

Следует отметить, что большинство законодательных актов РСФСР фактически действовало на территории Украины еще до постановления I Всеукраинского съезда Советов, состоявшегося почти через два месяца после возникновения Октябрьской социалистической революции на Украине, они были введены самим движением революционных народных масс. К их числу относится декрет Второго Всероссийского съезда Советов «Об отмене смертной казни», постановление Народного Комиссариата внутренних дел от 28 октября 1917 года «О рабочей милиции», обращение Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссариата иностранных дел «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира», обращение Совета Народных Комиссаров «О борьбе со спекуляцией» и прочие. Эти законодательные акты, как целый ряд других, часто применялись в практической деятельности рабочих и крестьянских судов, на ходу создаваемых революционными массами украинского народа.

Замечание Ленина о том, что «...революционные массы после 7 ноября (25 октября) 1917 г. вступили на верный

путь и доказали жизнеспособность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата»¹, полностью относится и к территории Украины.

Просматривая излюбительные производные дела Луцкого, Житомирского, Винницкого и других окружных судов за 1917—18 гг., мы часто встречаемся с доведениями прокуроров окружных судов Луцка, Житомира, Умани, Нежина и других, посылаемыми на имя прокурора Киевской судебной палаты и сообщающими о существовании и деятельности на местах рабоче-крестьянских и солдатских судов.

Свыше полугода месяцев на основе обращений к населению и общих декретов советской власти развивалось право творчество народных масс Украины, а вместе с ним в ходе непосредственной борьбы пролетариата с классовым врагом создавались рабочие и крестьянские суды, создавались уголовно-правовые и процессуальные нормы, создавалось новое Советское право, имеющее главной своей целью устранение всех явлений, мешающих успешному осуществлению диктатуры пролетариата.

Первые правительственные декреты лишь фиксировали внимание народных судов на наиболее опасных в данный момент деяниях. Они лишь называли это деяние, предоставляли полную свободу суду в определении видов и сроков наказания, в индивидуализации конкретных случаев преступлений и даже в определении того, является ли данное деяние уголовно-наказуемым, т. е. преступным. Полностью сообразуясь с общеполитическим моментом в стране и с интересами диктатуры пролетариата, суды заменяли свою карательную политику, применяли к виновным те или иные виды, а равно и сроки наказания, являясь действительным барометром положения Советской республики. Среди видов наказаний, применяемых судами в первые дни их существования, были: общественное порицание, выговор, возмещение ущерба, штраф, конфискация имущества, направление на фронт, лишение свободы, объявление врагом свободного народа Украины и революции, объявление вне закона и др.

Сроки и размеры наказаний были самыми разнообразными и применялись по усмотрению суда. Нередко можно было встретить санкции, абсолютно неопределенные, срок которых кончался по окончании гражданской войны, до полного уничтожения класса капиталистов и помещиков и т. п.

Этот период, особенно период до издания постановления «О введении Народного суда», можно условно назвать первым

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 459—460.

периодом в развитии уголовного законодательства Украины. Он характеризуется острой борьбой с внутренней контрреволюцией, укреплением отвоеванной у врага власти и созданием предпосылок для развернутого строительства социального государства.

Было бы грубой ошибкой полагать, что правотворчество народных масс возникло стихийно и неожиданно для большевиков, а законодательные органы лишь довольствовались этим правотворчеством. Наоборот, правотворчество народных масс предполагалось классиками марксизма еще задолго до Октябрьской революции в целом ряде их работ и в отдельных высказываниях. Так, говоря о новом государстве, за которое рабочие и крестьяне должны были еще вести борьбу, Ленин писал: «Народу нужна республика, чтобы воспитывать массы к демократии. Необходимо не только представлять массы к демократии, но и постройка всего управления государством снизу, самими массами, их действительное участие в каждом шаге жизни, их активная роль в управлении». ¹ Форма этого нового государства, в котором бы сами массы участвовали в его жизни и управлении, должна была быть советской.

«Я глубочайше убежден,—говорит Ленин в другом месте,— что Советы Р. и т. д. Деп. скорее и лучше проведут самостоятельность массы народа в жизнь, чем парламентская республика» ².

Ленин прекрасно понимал, что в предстоящей борьбе рабочего класса за взятие власти и за организацию нового строя будет играть колоссальную роль самостоятельность масс и придавал ей решающее значение. Ленин писал далее: «Надо строить демократию тотчас, снизу, ...без «надзора» сверху, без чиновников» ³.

Массы должны принимать участие «во всей государственной жизни», в том числе и в создании норм, регламентирующих жизнь и деятельность этого государства, но чтобы массы не были захлестнуты стихией, чтобы анархия не победила порядок и законность, требовалась агитационно-пропагандистская работа, способная довести сознательность масс до уровня классового понимания. Нужно было добиться такого положения, чтобы самостоятельность масс шла по определенному руслу, чтобы их творчество стало полезным и нужным всем трудящимся, чтобы не беспорядки и бунты, а сознательная инициатива, сопровождающаяся строгой пролетарской организованностью и революционным порядком, ру-

ководила ими в их борьбе. «Не на беспорядки и бунты, а на сознательную революционную борьбу зовут большевики пролетариат, беднейших крестьян и всех трудящихся и эксплуатируемых» ¹.

Огромная повседневная работа в этом направлении проводилась Лениным и его ближайшими соратниками—товарищем Сталиным, тт. Молотовым, Свердловым, Ворошиловым, Калининным, Орджоникидзе и другими. Десятки написанных работ, сотни произнесенных речей и докладов, дополняемых личным примером, начертали путь революционного народа Украины к взятию у эксплуататоров власти.

20 (7) ноября 1917 года Ленин, выступая перед народами России с большим программным обращением, сказал: «Товарищи-трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное.

Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства, или в скрывании запасов хлеба и продуктов или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу мира, делу передачи земли крестьянам, делу обеспечения рабочего контроля за производством и распределением продуктов» ².

Обращение вождя было услышано и правильно воспринято революционным народом Украины. На местах были созданы новые органы власти—Советы-ревкомы и комитеты неземных селян, а вместе с ними и народные суды.

Ленин в своем обращении указывал, что все саботажники и прочие враги советской власти и революции должны быть арестованы и преданы «революционному суду народа», следовательно, он предполагал создание этих органов, как орудия, необходимого пролетариату для упрочения своей диктатуры. И народные суды, невзирая на сопротивления, чинимые контрреволюционными силами представителей старой

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 204.

² Там же, стр. 108.

³ Там же, стр. 194—195.

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 471.

² Ленин, Соч., т. XXII, стр. 55.

юриспруденции, стремительно и точно создавались массами по мере распространения советской власти на территории Украины. К сожалению, мы не располагаем сведениями о их численности, но известно, что почти повсеместно они существовали и вели свою работу. «Революционные суды образовались раньше, чем издавались общие о суде законы, старые законы были признаны упрядненными раньше, чем о том повествовали декреты»¹.

Все это лашний раз убеждает нас в том, что, во-первых, самое правотворчество и создание одного из основных его источников—Народного суда—предполагалось большевиками еще до победы Октябрьской революции на Украине, и, во-вторых, что цитируемое нами ленинское обращение к народам России имело огромное значение не только в плане общей борьбы за укрепление советской власти, а и в плане развития самостоятельности масс в вопросах законодательства и права вообще, а уголовного законодательства и права в особенности.

В основе деятельности рабоче-крестьянских судов лежали декреты советской власти, постановления, приказы, распоряжения и другие акты Советов рабоче-крестьянских депутатов и созданных ими ревкомов, а принципиальной их политической основой являлась революционная совесть и социалистическое правосознание судей.

В издаваемых в первые дни существования советской власти на Украине декретах и устанавливаемых ими санкциях очень часто нельзя было обнаружить указаний о необходимости кары по суду, а если эти указания и были, то попутно с ними нередко предусматривалась также кара без суда. Чаше всего эти декреты давали лишь общие указания судам и носили агитационно-пропагандистский характер.

Обладая колоссальной организующей и мобилизующей силой, они всем своим существом воспитывали народные массы, помогая им идти по правильному пути, а устанавливаемые порой ими санкции были лишь придатком, играющим третестепенную роль.

Обращая внимание именно на эту сторону декретов, Ленин указывал, что «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды — без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте. Без этого не было бы к нам доверия всех рабочих и крестьян, которые хотели построить жизнь на новых основах»².

Чтобы юридически закрепить порожденные революционным движением масс суды на Украине и упорядочить их

правотворческую и процессуальную деятельность, направив ее по правильному руслу развития социалистической революции и построения Советского государства, Народный секретариат Украинской республики 4 января 1918 года издал постановление «О введении народного суда» («Вестник Украинской Народной Республики» № 5 от 10 января 1918 года), которое сыграло в последующем развитии уголовного законодательства УССР громадную роль.

Утверждение Д. С. Карева в его работе «Советская военная юстиция в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)» о том, что «Первые декреты о суде,— речь идет о декретах УССР,—соответствующие декрету о суде № 1 в РСФСР, были изданы лишь в феврале 1919 года...» ошибочно и противоречит историческим фактам¹. Установленные постановлением «О введении народного суда» положения подвергались в дальнейшем различным переработкам, изменениям и дополнениям, но основные их мысли сохранили свое действие до наших дней и вошли составной частью в действующее уголовное законодательство. Это постановление заложило краеугольный камень в создание всего последующего систематизированного уголовного законодательства Советской Украины и явилось, с одной стороны, как бы обобщением, понятно не механическим, всего того, что было выработано практикой до его издания, с другой стороны, оно установило основные принципы и начертало путь развития Украинского Советского уголовного законодательства на многие годы вперед. Оно явилось тем юридическим актом, который закрепил разрушение и уничтожение старых судебных учреждений на Украине, создал новые рабочие и крестьянские суды и, одновременно с этим, стал новым источником правотворчества народных масс.

Отражая в основном содержание декрета о суде № 1, изданного правительством Российской Федерации 24 ноября 1917 года, постановление в ряде вопросов принципиально от него отличалось.

Провозглашая упрядненными все действовавшие на территории Украинской Народной Республики судебные установления: окружные суды, палаты судебные, военные и морские суды, коммерческий суд в Одессе, волостные и мировые суды, постановление пошло гораздо дальше—вместе с другими судебными учреждениями оно сдало на слом и институт мировых судей, чего не сделал декрет о суде № 1.

Декрет о суде № 1 только «приостановил действие существующего...института мировых судей, заменив мировых судей, избираемых...непрямыми выборами, местными судами в

¹ Ежегодник советской юстиции № 44—45, 1922 г.
² Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 255—256.

¹ См. Ученые записки ВНИОН, вып. VI, 1945, стр. 44.

лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей» (ст. 2 декрета о суде № 1), но не уничтожил его.

Идя по пути, проложенному великим русским народом, Украинская республика невольно встречалась с теми этапами, которые Российской Федерацией уже были пройдены, и, конечно, брала то последнее, жизнью проверенное и исправленное, что имела Федерация. Да это и понятно, ибо опыт брался у советской, а не у капиталистической республики.

Постановка вопроса украинским законом об упразднении, а не о приостановлении института мировых судей состоялась спустя почти полтора месяца после издания декрета о суде № 1 и полностью совпадала с положениями, высказанными в это время Лениным в его докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров (январь 1918 г.), а затем повторенными в первоначальных набросках статьи «Очередные задачи советской власти» в марте 1918 года.

Ленин писал: «...путь, который прошла Советская власть в отношении к социалистической армии, она сделала также и по отношению к другому орудию господствующих классов, еще более тонкому, еще более сложному — к буржуазному суду... Советская власть поступила так, как завещали поступать все пролетарские революции, — она отдала его сразу на слом... Суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их отголоски меньшевики и правые эсеры), — а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат»¹.

Этим же постановлением юридически закреплялось упразднение институтов нотариата, прокурорского надзора, судебных следователей, приставов, присяжной и частной адвокатуры, которые фактически были уже сожжены пламенем Великой Октябрьской социалистической революции.

Техническое оформление ликвидации всех судебных установлений было поручено Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины через особых комиссаров, в задачу которых входило принятие имущества, архива, всех дел, имеющихся в производстве во всех судах, всех следственных материалов, а также имущества и архива сословных учреждений, присяжной адвокатуры. Но назначенные комиссары не могли в своей деятельности ограничиться только действиями чисто технического характера. Они помогали устанавливать и организовывать судебные установления, раз-

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 212, 424.

решали вопросы, связанные с судостроительством на местах, вели надзор за деятельностью вновь созданных судебных и связанных с судебными органами учреждений, повседневно помогая им. Практическая деятельность комиссаров была во многом похожа на деятельность учрежденного позднее губернского комиссара юстиции, а затем губернского отдела юстиции и совершенно справедливо квалифицировалась на съезде комиссаров юстиции (май 1918 г.), как деятельность высших органов юстиции на местах.

Уничтожив следственную власть, постановление не уничтожило самое следствие. Следствие было возложено на постоянных судей, которые кроме этого издавали приказы о задержании, о приводе и о взятии под стражу. Следует заметить, что решения постоянного судьи в отношении задержания, привода и взятия под стражу носили далеко не окончательный характер и подлежали в течение 12 часов с момента производства указанных действий утверждению участковым, уездным или городским народным судом.

Смысл утверждения полным составом суда действий постоянного судьи сводился, с одной стороны, к полной демократизации всех действий, связанных с ущемлением прав граждан, с другой — в известной степени, к недоверию постоянным судьям, которые нередко были слугами старого режима и как в суде, так и вне суда пытались в завуалированной форме протаскивать политику, враждебную революционному народу.

Среди действовавших на территории Украины участковых, уездных и городских народных судов наиболее распространены были суды участковые. Они создавались Советами на каждые 10 тысяч населения и состояли из двух постоянных и восьми очередных судей. Городские и уездные суды учреждались по одному в каждом уезде или городе, выделенном из уезда. Численный их состав ничем не отличался от состава судов участковых.

Вторым принципиально важным положением постановления «О введении народного суда» является вопрос выборности народных судей.

Постановление Народного Секретариата Украинской республики гласило: «Постоянные судьи избираются всеобщим и прямым голосованием», т. е. говорило то же самое, на что неоднократно указывали в своих трудах Ленин и Сталин.

Однако, несмотря на ясность этого положения, принцип всеобщих и прямых выборов постоянных судей непосредственно населением в силу ряда исторически сложившихся причин (гражданская война, иностранная интервенция, бандитизм, сопротивление кулачества мероприятиям советской власти и др.) в это время осуществлен еще не был. Постановление Народного секретариата Украинской республики временно, до

организации всеобщих выборов, предписывало «постоянных судей избирать Советами на общих собраниях».

Важное место среди других положений постановления «О введении народного суда» на Украине занимает вопрос использования судьями в процессе их деятельности законов прежних правительств.

«В своих решениях,—гласило постановление,—народные судьи руководствуются революционной совестью и законами прежних правительств, кроме законов отмененных».

Отмененными же считались все законы, противоречащие постановлениям Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины, Совета Народных Комиссаров, Народного секретариата Украины, а равно программам правительственных партий.

Следовательно, закон разрешал судьям пользоваться не всеми старыми законами прежних (в декрете «свергнутых») правительств, а лишь теми, которые не отменены и которые не противоречат постановлениям правительственных партий. Какие же законы прежних правительств оставались на Украине, которыми могли пользоваться в своей практической деятельности судьи?

Все законы, которые отвечали интересам господствующих классов, как противоречащие интересам рабочих и крестьян, были уничтожены революцией, постановления и распоряжения Центральной рады и ее Генерального секретариата были отменены I Всеукраинским съездом Советов 24—25 декабря 1917 года, а законы, противоречащие постановлениям законодательных органов Советской Украины и Российской Федерации, как и противоречащие программам правительственных партий, считались отмененными постановлением «О введении народного суда». Оставались лишь некоторые старые, дореволюционные процессуальные формы, которые не были определены ни постановлением, ни декретом о суде № 1, ни другими законодательными актами. Да и эти оставшиеся законы о технике проведения судебного процесса в каждом конкретном случае их применения проходили через призму революционной совести суда.

В своих решениях народные судьи Украинской республики руководствовались, прежде всего, законами, исходящими от созданного Всеукраинским съездом Советов правительства, и революционной совестью, а затем уже неотмененными законами прежних правительств.

Формулировка, говорящая об использовании старых законов, в постановлении несколько отлична от аналогичной формулировки в декрете о суде № 1. Исправленная временем и практической деятельностью советских судов, она ставит на первый план не законы свергнутых правительств, как это

делал декрет о суде, а революционную совесть. И это, как нам кажется, во многом предостерегло украинское законодательство от таких исторических курьезов, как применение в практической деятельности судов Уложения 1845 года или переработки Уложения 1903 года, имевших место в первые месяцы революции в РСФСР. В общем же сделанную законодательными актами о суде попытку кодифицировать и использовать на местах «неотмененное» революцией право в значительной степени или даже, говоря об Украине, почти всюду использовать не пришлось.

Если говорить о принципиальной возможности использования старых законов прежних правительств, то следует отметить, что коммунистическая партия и советское правительство никогда не отрицали возможности их использования, если эти законы помогали социалистическому строительству. В беседе с английским писателем Уэллсом товарищ Сталин по этому поводу с предельной ясностью сказал: «Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность»¹.

Нам представляется невозможным обойти молчанием некоторые другие вопросы постановления, и поэтому на более существенных из них мы остановимся хотя бы вкратце.

В эпоху борьбы за установление и укрепление диктатуры пролетариата суд, обладая рядом других качеств, должен был быть авторитетным и скорым. Каждая проволочка времени в смертельной схватке с классовым врагом и его пособниками была бы не в пользу революции, поэтому решения народных судов, всегда постановлявшиеся именем «Народа Украины», являлись окончательными и подлежали немедленному исполнению. Если же спустя некоторое время после вступления судебного решения в силу выяснились новые и существенные для дела обстоятельства, то дело могло быть пересмотрено тем же судом. Принятое судом по одному и тому же вопросу новое решение отменяло собой ранее вынесенное, если речь шла об изменении или отмене прежнего, и оставляло его в силе, если изменений не последовало. Исключительным правом того же Народного суда являлись вопросы помилования, досрочного освобождения, условного осуждения и восстановления в правах. В отличие от Декрета о суде № 1 Постановление Народного секретариата кассационного порядка обжалования судебных решений не допускало.

Все без исключения судебные дела должны были поступать в участковые народные суды, но не все поступившие дела могли этими судами разрешаться. Ведению местного участкового Народного суда подлежали лишь те дела, по ко-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 611.

которым он находил возможным определить наказание не свыше одного года (по декрету о суде 2 лет) тюрьмы или 5 (по декрету 3) тысяч рублей штрафа, или присудить в пользу потерпевшей стороны имущество стоимостью не выше 5 (по декрету 3) тысяч рублей. В противном же случае, т. е., когда мера тюремного заключения или выше 5 тысяч рублей штрафа, или ценность спорного имущества составляла выше 5 тысяч рублей, суд участковый обязан был передать такое дело на разрешение суда уездного или городского.

Это был зародыш будущей подсудности дел судам. В судах уездных или городских судьями, как правило, были лица с большим кругозором и образованием, народные заседатели в своем большинстве были представители рабочего класса, прошедшего школу стачечного движения и революционной борьбы, а поэтому правильнее могли разрешить более сложное дело, которое было бы неподсильно суду участковому.

Советский суд с первых дней своего существования выполнял и выполняет, как указывал Ленин, двуединую задачу:

1) борется против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство, и

2) воспитывает население к трудовой дисциплине.

Воспитательная роль суда шире всего проявляется при выполнении принципа гласности процесса, при проведении хорошо подготовленных судебных процессов в гуще народа. Судебное разбирательство в присутствии всех, кто интересуется процессом, кто желает присутствовать на суде, с одной стороны, воспитывает присутствующих, а с другой стороны, ставит под контроль масс деятельность суда и является лучшей гарантией против неправосудия и бюрократизма в суде. Говоря о борьбе с волокитой в учреждениях, Ленин рекомендовал «...такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»¹.

Следуя ленинским указаниям, Постановление провозгласило принцип проведения открытых судебных заседаний, причем лица, присутствовавшие в зале судебного заседания, могли принимать деятельное участие при обсуждении обстоятельств каждого дела под непосредственным руководством постоянного судьи. Институт обвинения и защиты был передан населению: все граждане в возрасте 18 лет и старше могли выступать в судебном заседании с обвинительными или

защитительными речами. Больше того, они могли быть обвинителями или защитниками и на предварительном следствии.

Выслушав показания подсудимых, а затем речи обвинителей и защитников, суд выносил решение. Виды наказаний определялись по усмотрению суда, но применение наказаний телесных, носящих характер публичного позора, и смертная казнь запрещались. Наказание в виде лишения свободы во всех без исключения случаях назначалось не свыше 5 лет.

Дела в отношении военнослужащих, совершивших уголовно-наказуемые деяния на фронте, были подсудны армейским народным судам, учреждаемым по образцу и подобию судов участковых, уездных и городских Советами солдатских депутатов, а при отсутствии таковых — полковыми и корпусными комитетами. Эти суды, разрешая дела в расположении воинских частей, всей своей деятельностью вели колоссальную политико-воспитательную работу среди солдатских масс, помогая красным командирам и небольшому количеству преданных советской власти военспецов воздействовать на наиболее неустойчивых и нескорошенных в боевом отношении военнослужащих. Они помогали насаждать подлинную воинскую дисциплину в частях и, в известной степени, обеспечивали победу над ненавистным врагом.

В целях преследования мародерства и всех видов злоупотреблений промышленников и торговцев, а равно для борьбы с саботажем чиновников и прочих служащих всех учреждений, для решительной борьбы со всеми и всякими врагами революции были созданы рабочие и крестьянские революционные трибуналы. Создание революционных трибуналов вызывалось необходимостью смелых и самых энергичных действий, о которых неоднократно упоминал Ленин, по отношению, главным образом, к приверженцам капиталистического мира.

Постановление Народного Секретариата Украинской Народной республики о введении на территории Советской Украины народных судов и революционных трибуналов создало новый источник правотворчества народных масс — пролетарский народный суд. Появление нового суда, видящего свои конкретные задачи и имеющего программу действий, в известной степени систематизировало и ограничило местное правотворчество, но не могло его упразднить совершенно. Взяв за основу составленное пролетарским законодателем постановление о суде и Положение о Революционном трибунале, суды революционного украинского народа дополняли их тем, что ускользнуло от зрения законодателя, изменяли то, что не отвечало потребностям момента, дополняли тем, что подсказывалось опытом прошлого, и систематизировали то, что одновременно преподавалось народным судам и революционным трибуналам из центра, но по независимым зачастую

¹ Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 412.

от них причинам, ускользнуло от их внимания. Возникшее в первые дни Октябрьской революции на Украине правотворчество народных масс постепенно, но уверенно направлялось в предусмотренное Советским государством русло и продолжало в той или иной мере дополнять формулирующееся уголовное законодательство страны.

Следует также отметить, что законодательный акт украинского правительства «О введении народного суда» впервые в истории советского уголовного законодательства сказал о таких институтах уголовного права, как условное осуждение и досрочное освобождение осужденных народными судами. В уголовном законодательстве Российской Федерации, изданном до выхода в свет упомянутого выше украинского закона, вопросы, связанные с отмеченными институтами, не разрешались. Более того, мы даже не находим там упоминания о их существовании.

Украинский законодатель в лице Народного Секретариата республики право досрочного освобождения осужденных, как и право условного осуждения, сделал исключительным правом тех же народных судов, которые разбирали дело по существу впервые или пересматривали его по вновь открывшимся обстоятельствам, чем, в известной мере, предостерег суды от излишних ошибок при разрешении вопроса о фактическом смягчении наказания виновным.

Этим же постановлением был разрешен вопрос о нестремлении на территории Украины смертной казни и о запрещении судам налагать на кого бы то ни было наказание в виде лишения свободы свыше пяти лет. Установление максимального предела наказания было одним из наиболее эффективных ограничений самостоятельности судов и, конечно, сыграло свою положительную роль. Был положен конец существовавшей ранее разногласии в определяемых судами видах и мерах наказаний, когда за одинаковые преступления, например за кражи из общественных хранилищ, один суд приговаривал виновного к «общественному порицанию», а другой — при аналогичных же обстоятельствах и в это же время — к «15 годам лишения свободы»; вместе с этим была создана единым народным судам Советской Украины возможность накапливать огромный практический опыт, становившийся основой вновь растущего украинского советского уголовного законодательства.

Украинское советское уголовное законодательство 1919 года

С победой в 1919 году советской власти на Украине на территории Республики действовали уголовные законы правительства Советской Украины, изданные в 1917 и 1918 гг., т. е. до немецкой оккупации, законодательные акты Российской Федерации, в большинстве своем декретированные укра-

инским правительством, и текущее уголовное законодательство Украинской Советской республики.

Разнообразие форм законодательных актов этого периода было велико. Среди них можно было встретить и декреты, и постановления, и приказы. Причем исходили они и от Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, и от Совета рабоче-крестьянской обороны, и от Совета Народных Комиссаров Украины, а иногда и от отдельных народных комиссаров. Все они соответствовали духу времени и задачам, стоящим перед Советским Социалистическим государством на данном этапе.

В 1919 году всего было издано законов, в той или иной мере касающихся вопросов уголовного права, — 34. Причем 14 из них являлись уголовными законами в собственном смысле слова, т. е. непосредственно отражали вопросы уголовного права, процесса или судостроительства, и 20 являлись законами по различным областям социалистического строительства, но содержали в себе уголовные санкции.

Все 34 законодательных акта подразделялись следующим образом:

Манифестов рабоче-крестьянского правительства Украины — 1.

Декретов Временного рабоче-крестьянского правительства — 6.

Постановлений Совета Народных Комиссаров УССР — 4.

Декретов Совета Народных Комиссаров УССР — 17.

Декретов Совета рабоче-крестьянской обороны УССР — 3.

Постановлений Всеукраинского Центрального Исполкома — 1.

Постановлений Всеукраинского съезда Советов — 1.

Приказов Народного Комиссара по военным делам — 1.

Текущее уголовное законодательство 1919 года во многом было еще несовершенно, хотя и шло по пути, проложенному законодательством РСФСР, заимствуя от него все лучшее, проверенное временем и жизнью Советской России. Однако не следует понимать так, что законодательный опыт, хотя и очень незначительный, Украинского Советского государства до его оккупации был предан забвению. Этот опыт был использован. Более того, как уже отмечалось выше, были использованы и законы, изданные Украинским Советским правительством в 1917—1918 гг., но специфика развития Украинского Советского государства в непрерывной борьбе с многочисленными бандами и остатками вражеских правительств не разрешала идти, до некоторой степени, уже проторенной законодательной стезей Российской Федерации.

Первым шагом Временного рабоче-крестьянского правительства Украины на пути создания нового уголовного законодательства было уничтожение законов контрреволюционных

правительств. Эта операция юридически была осуществлена Манифестом, провозгласившим «именем восставших рабочих и крестьян, именем революционной армии Украины... все законы, приказы договора, постановления и распоряжения как гетмана и его агентов, так и Центральной рады и ее агентов... незаконными и не подлежащими исполнению». Фактически же они были уничтожены вместе с властью гетмана движением самих масс. «Всякий принуждающий или уговаривающий,—говорилось в Манифесте,—исполнить распоряжения гетмана или Центральной рады, или их агентов на местах подлежит расстрелу на месте»¹.

Изложенный гетман вместе с его советом министров был объявлен вне закона, а представители местной власти, ставленники гетмана и германского командования, подлежали немедленному аресту. Все эти мероприятия осуществлялись немедленно, ибо было очень важным как можно быстрее заменить этих представителей рабочими и крестьянскими депутатами, верными сторонниками советской власти, которые стали бы надежными проводниками революционной законности на местах.

Почти одновременно с Манифестом Временное рабоче-крестьянское правительство Украины издало ряд законодательных актов, устанавливающих систему карательных органов и норм, с помощью которых молодая Советская республика боролась со своими врагами и их пособниками.

Среди уголовно-правовых законодательных актов следует отметить три правительственных декрета:

«Об организации Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии»².

«О введении в Украинской Советской Армии военных трибуналов»³.

«О суде»⁴.

Среди законов, содержащих в себе уголовную санкцию, заслуживают быть отмеченными следующие:

«Об учете и сдаче оружия, имеющегося у населения Украины»⁵.

«О спиртных напитках»⁶.

«О конфискации брошенного имущества»⁷.

«О конфискации оккупационных капиталов бывших частных банков»⁸.

«О биржах труда»⁹.

¹ СУ, 1919, № 1.

² ЦСУ, 1919, № 1, ст. 7.

³ СУ, 1919, № 1, ст. 9.

⁴ СУ, 1919, № 11, ст. 141.

⁵ СУ, 1919, № 1, ст. 6.

⁶ СУ, 1919, № 2, ст. 18.

⁷ СУ, 1919, № 2, ст. 19.

⁸ СУ, 1919, № 9, ст. 124.

⁹ СУ, 1919, № 5, ст. 57.

Все они являлись плодом опыта рабочих, солдат и трудового крестьянства России и Украины в борьбе за советскую власть.

Декрет «Об организации Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии» явился первым законодательным актом, которым был создан орган расправы революционного народа с врагами революции и советской власти на Украине—Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия. Она состояла при отделе внутренних дел, но подчинялась непосредственно временному рабоче-крестьянскому правительству Украины и вела самую решительную планомерную борьбу с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и рядом преступлений по должности.

В «Положении о ВЧК и местных ЧК» мы находим указание на то, что Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия являлась центральным органом, планомерно проводящим в жизнь непосредственную борьбу с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом по всей территории УССР через местные чрезвычайные комиссии, которые на первых порах должны были воспринять из прав и обязанностей ВЧК лишь три основных пункта:

1. Преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей стране, со стороны кого бы они ни исходили.

2. Предавать суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров, разработать меры борьбы с ними.

3. Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения.

Этот объем работы чрезвычайных комиссий с первых же дней их существования оказался чрезмерно узким. Жизнь с каждым днем вносила существенные коррективы. Продолжавшиеся антисоветские вооруженные выступления кулачества, атаманищины и бандитизма, дополняемые спекуляцией и саботажем, требовали от чрезвычайных комиссий расширения деятельности и непосредственной борьбы со всеми и всякими врагами революции. И следует отметить, что они возложенные на них задачи выполнили с честью. Оценивая работу ВЧК, Ленин отметил, что без такого органа непосредственного и быстрого отпора врагам диктатуры пролетариата советская власть не справилась бы со своими трудностями, которые ее окружали.

Огромная роль на пути упрочения завоеваний Октябрьской революции и в целях введения в Украинской Советской Армии строгого революционного порядка принадлежит революционным военным и особым военным трибуналам.

Возникнув задолго до декрета украинского правительства — «О введении в Украинской Советской Армии особых военных трибуналов», — в ходе первоначального, зачаточного

установления советской власти на Украине и в самом начале боевых операций Советской Армии против квалифицированных отрядов международной контрреволюции, они упрочили несомненную жизненность своего существования и тесную органическую связь с последующим развитием Красной Армии на всем протяжении борьбы с многочисленными врагами, деятельно поддерживаемыми внутренней и внешней буржуазией.

Военные трибуналы на Украине не были новым, откуда-то заимствованным явлением 1919 года, но они вместе с тем и не были простым повторением существовавших в 1917—1918 гг. революционных военных трибуналов.

Правительственный декрет, объявивший введение в Украинской Советской Армии особых военных трибуналов и положение о них, прежде всего передал всю систему особых военных трибуналов в ведение Военно-Революционного Совета Украинской Советской Армии, разграничил персональную и предметную подсудности дел трибуналам и создал кассационно-апелляционную инстанцию для полковых трибуналов. Декрет устанавливал, что ротным трибуналам подсудны все члены роты, кроме ее командира; полковые трибуналы могли слушать дела в отношении всего личного состава полка, исключая командира полка и лиц, пользующихся правами командира отдельной части и выше; трибуналы армейские могли слушать дела в отношении всех воинских чинов, изъятых из подсудности трибуналов полковых и ротных, а равно и дела гражданского населения района военных действий за преступления сугубо военного характера—шпионаж, нанесение вреда воинской части и др.

Что касается подсудности предметной, то она сводилась «Положением» в отношении ротных трибуналов исключительно к воинским проступкам, переросшим в воинские преступления, не представляющие собой особой социальной опасности. Таковы: легчайшие случаи неисполнения небоевых приказаний командира, а равно и требований уставов строевой и внутренней службы; промотание и умышленная порча войскового имущества (мундирные и амуничные вещи); оскорбление товарища по роте без нанесения тяжких побоев; пьянство, азартные игры, предосудительное поведение, опоздание из отпуска, самовольная отлучка и другие «маловажные проступки».

Из подсудности ротных трибуналов, которые носили название «товарищеских», исключались дела о промотании и умышленной порче оружия, а также дела о промотании и умышленной порче войскового имущества, ценность которого превышала 300 рублей. Предел их власти исчерпывался, как указывалось в «Положении», «присуждением к легким наказаниям».

Законодатель не давал нам перечня видов и мер этих наказаний, но, знакомясь с приговорами военных трибуналов указанного периода, мы видим, что они не связаны с лишением свободы и полностью соответствуют названию трибуналов — «товарищеские».

Предел власти трибуналов полковых и армейских соответственно расширялся и определялся «единственно революционной совестью этих трибуналов».

Украинский законодатель впервые ввел в систему судов кассационно-апелляционную инстанцию, которую не знали до этого ни народные суды Украины, ни тем более украинские революционные трибуналы 1917—1918 годов. Если в процессе рассмотрения дела теперь полковой трибунал нарушал существо или форму судопроизводства, то в этих случаях дело могло быть в кассационном порядке или в порядке надзора пересмотрено армейским кассационно-апелляционным отделом, решение которого полагалось окончательным.

Введение второй судебной инстанции имело большое значение для дальнейшего укрепления революционной законности, создавая еще большие гарантии для несомнительного осуждения невиновных, а с другой — сообразно судебной политике способствовало применению соответствующей содеянному меры наказания в конечном счете.

В самый начальный период существования Красной Армии, когда в ее рядах преобладали рабочие массы, сознательно пошедшие на борьбу с душителями свободы, военные трибуналы в своей повседневной работе лишь оказывали воздействие на нерадивые и малоустойчивые элементы. Когда же по мобилизации в Красную Армию прибыли крестьянские массы, частично не уяснившие себе задач власти трудящихся, военные трибуналы, как совершенно справедливо указывалось в резолюциях Первой Всеукраинской Конференции революционных военных трибуналов, вынуждены были перейти от более мягкого воздействия судебным наказанием к более твердому воздействию судебной расправы, чтобы этим самым дать понять, что советская власть в переходный момент ожесточенной борьбы за великие Октябрьские завоевания в лице военных трибуналов имеет достаточно силы расправиться с каждым, кто вольно или невольно содействует замыслам контрреволюции.

В армейской среде этого периода далеко не единицы считали, что с революцией отменены все законы и уставы, агенты же контрреволюции и кулачества, поддерживая анархизм, разъедающий основы воинской дисциплины, пытаются сохранить его, вредя тем самым делу революции.

Карая шкурников, предателей и дезертиров, военные трибуналы способствовали укреплению строгой воинской дисциплины и боеспособности Украинской Советской Армии.

Шагом вперед на пути развития советской юстиции был декрет Совета Народных Комиссаров УССР и временное положение «О суде»¹.

Возрождавшейся в освобожденных районах советской власти приходилось заново ликвидировать восстановленные гетманом и Центральной радой генеральный суд, судебные палаты, окружные суды, мировые суды, съезды мировых судей, суды военные, морские, волостные, коммерческие и др., а равно все состоявшие при них учреждения и организации и снова строить советскую юстицию. В это время уже имелся определенный опыт строительства судов, и вторичное их построение шло значительно легче, чем в 1917—1918 гг. Все мероприятия, связанные с техникой ликвидации чуждых советской власти судебных установлений, как и установление порядка и сроков их ликвидации, введение в действие нового «Положения о народных судах и революционных трибуналах», определение способов конструирования и порядка функционирования новых судебных мест, составление и издание подробной инструкции, регламентирующей их жизнь и деятельность, возлагались на созданный Народный Комиссариат Юстиции УССР.

Декрет объявлял «Временное положение о народных судах и о революционных трибуналах», которое в основном отражало принципы советского суда, сформулированные в постановлениях Народного секретариата УССР от 4 и 23 января 1918 года и декрете Временного рабоче-крестьянского правительства Украины «О введении в Украинской Советской Армии особых военных трибуналов», но в вопросах подсудности дел, вины и определения наказания он делал очередной шаг вперед.

Революционные трибуналы попрежнему оставались преимущественно чрезвычайными органами судебной расправы, поэтому их подсудность соответственно состояла из дел о контрреволюционных деяниях, о государственной измене, о шпионаже, преступлениях по должности и саботаже, о спекуляции и о других преступлениях, передаваемых на рассмотрение трибунала по постановлениям губисполкомов.

При решении вопроса о виновности или невиновности Революционный трибунал должен был оценить всю совокупность собранных по делу доказательств, руководствуясь исключительно внутренним убеждением. И только тогда, на основании материалов предварительного и судебного следствия удостоверившись в безусловной виновности подсудимого, назначал ему соответствующую меру наказания, причем эта мера не должна была выходить за пределы, установленные законом. Если Революционный трибунал встречался с таким

преступным деянием, мера наказания за которое законом вообще не была определена, то судьи при установлении таковой должны были руководствоваться «в первую очередь интересами Социалистической революции, а затем социалистическим правосознанием»¹.

Новое «Положение» уделяло также большое внимание регламентации работы народных судов, процессуальный порядок в функционировании которых почти ничем не отличался от процессуального порядка рассмотрения судебных дел ревтрибуналами. Говоря о подсудности дел народным судам, «Положение» прежде всего указывало на все гражданские дела и уголовные дела, не состоящие в подсудности революционных трибуналов. Вопросы помилования и смягчения наказания входили в компетенцию правительства Украины, а не народных судов, как это имело место в соответствии с постановлением «О введении Народного суда» в 1918 году.

Анализируемые выше уголовно-правовые акты не только расширили подсудность дел революционным трибуналам, они совершенно исключили возможность пользования «законами прежних правительств», исключили возможность обращения к судам третейским, создали более или менее стройную систему судебных установлений и закрепили кассационно-апелляционное судопроизводство.

Эти новые уголовно-правовые законодательные акты не в состоянии были обнять всего многообразия процессуальных и тем более материальных норм и деяний, которые фактически встречались в жизни, поэтому вслед за декретом «О суде» был издан ряд других законов, дополняющих и уточняющих прежние.

Не переходя пока к их анализу, мы остановимся на законах, не являющихся по своему содержанию уголовно-правовыми, но содержащих в себе уголовную санкцию.

Декрет украинского правительства «Об учете и сдаче оружия, имеющегося у населения Украины»², был вызван ростом вооруженных выступлений кулачества против советской власти, все более становившегося питательной средой для бандитизма и атаманины на Украине.

Частая смена правительств и режимов, вторжение империалистических войск с целью захвата власти в стране, их неизбежное крушение и недолговечность, беспорядочное отступление с Украины разбитых немецких и австрийских войск — все это способствовало оседанию в стране огромного количества оружия, которое перешло в руки, главным образом, кулаков, оказывавших сопротивление советской власти не только отказом подчиняться законам Рабоче-Крестьянского

¹ СУ, УССР, № 11, ст. 141.

¹ СУ, 1919, № 11, ст. 141.

² СУ, 1919, № 1, ст. 6.

правительства, но еще и активными вооруженными выступлениями против последнего. Эти причины, а также и то, что фактически во многих деревнях власть Советов отсутствовала, способствовали развитию бандитизма. Все, кто не желал жить мирным трудом, все дезертиры, уголовные преступники, бежавшие из тюрем, ворота которых открывались при каждой смене правительств на Украине, вооружались и, пользуясь отсутствием военной силы в деревне, отсутствием охраны дорог, нападали на проезжающих, иногда даже на поезда, нападали на деревни, на города и грабили все, что можно, распределяя потом награбленное между собой. Украинские националисты и их иностранные сподвижники, желавшие низвергнуть советскую власть и восстановить власть украинской буржуазии, организовывали из этих подонков общества бандитские отряды, которые являлись уже представителями бандитизма политического.

Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, наряду с организацией карательных и других органов борьбы с врагами советской власти, издало упомянутый выше декрет «Об учете и сдаче оружия, имеющегося у населения Украины», ибо разоружение деревни, т. е. изъятие отсюда оружия, было одним из средств подрезать бандитизм в корне.

Все оружие как огнестрельное, так и холодное, находящееся на территории Украины, декрет объявил собственностью Украинской Советской Социалистической Республики, предложил населению немедленно взять оружие на учет и сдать его по первому требованию местных революционных комитетов, в противном случае виновные подвергались «суду Революционного трибунала, как за действия, направленные против рабоче-крестьянской революции». В отношении лиц, пользующихся наемным трудом, ст. 9 декрета говорила, что они «безусловно не имеют права держать у себя оружие и обязаны под страхом расстрела немедленно сдать его революционным комитетам». Купля и продажа оружия на территории Украины воспрещались.

Назначение столь жестких мер наказания становится еще понятнее, когда мы обратимся к тексту декрета, где указано, что он издан «в целях правильной организации защиты советской власти на Украине и содействия восстановлению ее в местностях, находящихся еще под игом помещиков и капиталистов». Законодатель, следовательно, придавал вопросу изъятия у населения оружия первостепенное значение, т. е. такое, какое он придавал вопросу восстановления и защиты советской власти на Украине. Спустя более трех лет существенно разбираемого нами закона вошло в ст. 220 УК РСФСР, говорящую о «незаконном хранении огнестрельного оружия».

Учитывая вред делу пролетарской революции, наносимый и пьющими и особенно организаторами пьянства, Времен-

ное рабоче-крестьянское правительство Украины 14 января 1919 года издало декрет «О спиртных напитках»¹. В декрете указывалось, что «если преступником перед революцией является тот, кто пьянствует в это трудное время, когда все должны быть на стороже, когда все силы должны быть направлены на борьбу с буржуазией, то явным контрреволюционером является тот, кто организует пьянство».

Всякая продажа спиртных напитков и выгонка самогона были воспрещены. Запасы спиртных напитков должны были немедленно взяты на учет и уничтожены. Лица, виновные в неисполнении указанных мероприятий, привлекались «суду Революционного трибунала по законам военного времени, как за деяния, направленные против революции». Под угрозой суда военного трибунала—для военных и Народного суда—для гражданских были воспрещены не только самогоноварение и продажа спиртных напитков, а и покупка их. Лица, покупавшие какие бы то ни было напитки, содержащие в себе более 1,5° алкоголя, в любом количестве, привлекались к судебной ответственности. Мера наказания в отношении их избиралась народными судами или особыми военными трибуналами (по принадлежности), исходя из обстоятельств дела, но судьи руководствовались прежде всего интересами социалистической революции, а затем социалистическим правосознанием.

Перечисленные декреты относятся к январю 1919 года, т. е. ко времени, которое характеризуется развернутым наступлением советской власти на внутренних и внешних врагов украинского народа и бегством немецко-австрийских войск вместе с их украинскими единомышленниками, приверженцами гетманщины и буржуазно-немецкой директории. К этому же периоду относятся и три других законодательных акта: «О конфискации брошенного имущества»², «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков»³ и «О биржах труда»⁴. Все они говорят о различных вопросах социалистического строительства на советской Украине. Декрет «О конфискации брошенного имущества», например, объявлял лиц, бежавших из мест, в которых восстановлена советская власть, врагами трудящихся и указывал, что все они должны быть преданы суду Революционного трибунала, а их имущество передано в собственность Украинской Советской республики.

Все эти декреты с юридической точки зрения интересны более четким формулированием конкретных составов преступлений и назначением уголовных санкций за неисполнение

¹ СУ, 1919, № 2, ст. 18.

² СУ, 1919, № 2, ст. 19.

³ СУ, 1919, № 9, ст. 124.

⁴ СУ, 1919, № 5, ст. 57.

предписываемых законами деяний. Так в пунктах 5 и 6 декрета «О конфискации акционерных капиталов...» указывалось:

«5. Владельцы банковских акций, не представившие таковых или не сообщившие их реестрового списка в двухнедельный срок со дня опубликования настоящего декрета, кажутся конфискацией всего имущества».

«6. Всякие сделки и передачи банковских акций безусловно воспрещаются. Все участники этих воспрещенных актов и сделок подлежат тюремному заключению сроком до 3-х лет».

В постановлении «О биржах труда» за нарушение порядка приема, увольнения и распределения рабочей силы в народном хозяйстве устанавливалась санкция в виде «лишения свободы на срок до 6 месяцев или денежного штрафа до 10.000 рублей».

Приведенное красноречиво говорит о том, что украинское советское уголовное законодательство и право сделало большой шаг вперед. Если в 1917—1918 гг. украинский законодатель в подавляющем большинстве издаваемых им актов лишь указывал на преступные деяния, полностью оставляя вопрос назначения наказания за судом, то в 1919 году он уже установил определенные санкции, во многом ограничивающие суд в выборе меры и вида наказания.

Следовательно, суд мог избирать вид и меру наказания по своему усмотрению лишь тогда, когда данное преступное деяние или вообще не было предусмотрено законом, или было предусмотрено законом таким, который не содержал в себе определенной санкции. В противном случае суд связан был тем видом и мерой наказания, которые указаны в законе.

Ряд юристов—не марксистов пытаются доказать, что социалистическое правосознание со временем уступает место законам, т. е. что оно ограничивается и даже вытесняется законами. Иначе говоря, законы Советского правительства противостоят социалистическому правосознанию, сужают его.

Подобные утверждения долгое время претендовали быть «научным» выводом из исторического хода развития уголовного законодательства и права Украины и были помещены в комментированный Уголовный кодекс УССР, но их антиленинская и антинаучная сущность явственно.

Регламентация уголовно-правовых норм не только не исключает, а наоборот, предполагает социалистическое правосознание. Оно предполагается во всей деятельности нашего социалистического государства, являясь одной из характерных черт строительства коммунистического общества и элементом силы нашего народа, вполне сознательно добивающегося успехов на всех фронтах борьбы за проведение в жизнь идей коммунизма.

Неоднократные ссылки на революционную совесть и социалистическое правосознание, как на классовое понимание пра-

ва, мы встречаем уже в самых ранних законодательных актах советской власти Российской Федерации и Украины. Так, декреты правительства РСФСР «О суде», «О Третейском суде», «О Народном суде», а также законодательные акты правительства Советской Украины «О введении Народного суда», «О Революционных Трибуналах», «О введении в Украинской Советской Армии особых военных трибуналов», «О суде» и др., которые по времени их издания относятся к 1917—1919 гг., указывают, что суд при избрании осужденному меры наказания помимо всего прочего должен руководствоваться и революционным (в законах правительства РСФСР социалистическим) правосознанием.

Огромное значение революционного правосознания неоднократно подчеркивал Ленин. В своих записках и письмах он указывал, что надо «применять не *corpus juris romani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание»¹.

Ныне действующее советское уголовное законодательство также обязывает суды при вынесении решения по делу руководствоваться наряду с указаниями общей и особенной части Уголовного кодекса и «своим социалистическим правосознанием» (ст. 7 УК УССР). Следовательно, противопоставление буржуазными юристами социалистическому правосознанию революционной законности является несостоятельным вздором, порожденным политической слепотой и непониманием целей и задач советского социалистического права.

Среди предкодификационных уголовных законов Украинской Советской республики, которые в дальнейшем явились принципиальными вехами на пути развития уголовного законодательства СССР, наиболее важны декреты Совета Народных Комиссаров «Об условном осуждении»², «О досрочном освобождении»³ и «О наказании агитации, направленной к возбуждению национальной вражды»⁴. Каждый из них, несомненно, в той или иной мере восполнил пробелы сначала советского уголовного законодательства Украины, а затем и законодательства РСФСР, ибо уголовное законодательство Российской Федерации, несмотря на свое почти полуторателнее существование, не знало подобных составов, оказавших позднее столь сильное влияние на содержание ст. ст. 36, 37, 52—55 Уголовного кодекса 1922 года.

Декрет Совета Народных Комиссаров «Об условном осуждении» наиболее полно отразил в себе ленинскую идею о двуединой задаче наказания и, главным образом, о том, что наказание даже в первые годы существования советской вла-

¹ Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 419.

² СУ, УССР, 1919, № 30, ст. 335.

³ СУ, УССР, 1919, № 30, ст. 336.

⁴ СУ, УССР, 1919, № 9, ст. 114.

сти является не только карой, но и одним из средств, таящих в себе могучие элементы воспитания преступника и среды, в которой он находился. Декрет впервые в советском уголовном законодательстве во всю ширь поставил вопрос о наказании, как о воспитании, об исправлении преступника.

Идея быстрого перевоспитания преступников и возвращения их в семью равноправных членов социалистического общества была заложена и в декрете «О досрочном освобождении», но этот декрет распространялся лишь на тех лиц, в отношении которых приговоры вступили в законную силу, а сами осужденные отбыли не менее половины наказания, назначенного им по приговору суда.

Решение вопроса о досрочном освобождении принадлежало обычно не суду, а карательному отделу юридического отдела местного исполкома. В тех случаях, когда ходатайство о досрочном освобождении отделом по тем или иным причинам отклонялось, проситель имел право принести жалобу в Народный суд или Революционный трибунал, в зависимости от того, кем был вынесен приговор, по которому последовало лишение свободы.

Народный суд или Революционный трибунал в месячный срок рассматривал полученную им жалобу в открытом судебном заседании с вызовом жалобщика и представителя карательного отдела, а при необходимости — и эксперта-специалиста. Однако суд не был лишен права рассматривать жалобу и в их отсутствие. Принятое судом решение было окончательным и дальнейшему обжалованию не подлежало.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года положения декрета конкретизировались и несколько расширились. Ст. 52 УК, например, ярко подчеркивала обстоятельство, обойденное молчанием в тексте декрета, что досрочное освобождение является «условным» и что оно должно применяться лишь к заключенным, «обнаруживающим исправление». А это означало, что не все отбывающие по приговорам суда наказание могли быть освобождены от него досрочно, а лишь некоторые — исправляющиеся. Более того, и эти лица освобождались не окончательно, а лишь при условии, что в течение установленного судом на основе действующего закона срока они не совершат другого какого-либо преступления.

Статья 53 Уголовного кодекса, конкретизируя и развивая положения украинского закона, установила, что «условно-досрочное освобождение выражается либо в полном освобождении от отбываемого наказания, либо в переводе на принудительные работы без содержания под стражей на весь оставшийся срок наказания или часть его и применяется судом, вынесшим приговор». Причем, когда досрочно освобожденный совершал в течение неотбытого срока наказания новое преступление, то по приговору суда неотбытая им часть

наказания или поглощалась новым, или присоединялась к наказанию за вновь совершенное преступление, но в этом последнем случае сумма наказаний не должна была превышать 10 лет.

Эта статья, следовательно, со всей точностью установила, что вопрос о досрочном освобождении должен решаться не карательным отделом юридического отдела местного исполкома, как это предписывалось декретом СНК УССР, а судом, который некогда избрал меру наказания.

Есть и другие существенные различия между украинским законом и соответствующими статьями Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, но остается бесспорным одно, что декрет правительства УССР явился первенцем, идее которого суждено было лечь в основу ряда статей УК по данному вопросу.

13 февраля 1919 года Совет Народных Комиссаров Украины издал декрет «О наказуемости агитации, направленной к возбуждению национальной вражды». Мотивом, побудившим правительство установить эту норму, было «стремление положить конец усевившейся за последнее время национальной травле», а значит сделать очередной шаг на пути проведения в жизнь ленинско-сталинской политики по национальному вопросу. Нельзя было допустить, чтобы отдельные люди, сознание которых еще не освободилось от пережитков капитализма, расшатывали национальные завоевания пролетарской революции.

В начале 1919 года, т. е. в период, когда уже идеи большевиков и по национальному вопросу одержали полную победу, отдельные отщепенцы из враждебного лагеря пытались поколебать их. Этот декрет был направлен не только против истинных врагов советской власти, а и против тех наиболее отсталых граждан, даже из трудящихся, умы которых еще находились в плену пережитков капитализма, в частности в области национального вопроса, ибо их порой несознательные действия помогали врагу, возбуждая неприязненные и враждебные отношения к той или иной национальности и роняя ее достоинство среди окружающих, сеять раздор и разрывы среди строителей социализма, распыляя их силы. Не случайно поэтому декрет установил, что «подлежат немедленному аресту и преданию суду Революционного трибунала, в качестве контрреволюционеров все лица (курсив мой — П. М.), виновные в ведении агитации, направленной к возбуждению чувства национальной вражды», и установил им наказание в виде тюремного заключения на срок не менее 5 лет, а «за агитацию на фронте и в воинских частях виновные подвергаются наказанию не менее 5 лет тюремного заключения или, по усмотрению суда, расстрелу; тому же наказанию подлежит всякий, ведущий агитацию среди лиц, занимающих по отношению к нему подчиненное служебное положение».

За агитацию, соединенную с прямым призывом к учинению насильственных действий, если последние явились непосредственным результатом такого призыва, виновные подлежат расстрелу» (из текста декрета).

Декрет украинского правительства оказал свое сильное влияние на ст. 83, 70 и 69 УК РСФСР 1922 года. Правда, текстуального сходства между ними нет, но идея наказания за агитацию, направленную на совершение противогосударственных преступлений, в том числе и возбуждение национальной вражды и розни, в них отражена со всей полнотой.

1919 год отмечался деятельностью крупных контрреволюционных банд. Отдельные села, волости и даже уезды были заняты бандитами, как, например, южная часть Екатеринославской губернии, где орудовал известный Махно, в Киевской губернии свирепствовали бандиты Зеленый, Ангел, Струк, в Подольской — Волянец, Тютюнник и др. Они срывали организационную работу советской власти, опустошали заводы и склады, взрывали железнодорожные пути и средства связи, захватывали и разрушали города и местечки, истребляли представителей власти, нападали на незначительные воинские части, разоряли народное хозяйство.

Чтобы судить о размерах, которые приобрело это явление в 1919 году, достаточно сказать, что по далеко не полным данным на Украине с 1 мая по 1 июня было 93, а с 11 по 19 июня — 207 кулацких и бандитско-белогвардейских выступлений.

Бандитизм все более терял свою почву по мере укрепления советской власти, находящей радушный прием и сочувственный отклик в крестьянской среде, по преимуществу среди бедноты, и сдерживающей ярый бандитский разгул вооруженной рукой революционного пролетариата. Совет Народных Комиссаров УССР в связи с этим рядом декретов принял экстренные меры по охране государственной собственности и уничтожению ее врагов, ибо знал, что «уничтожение бандитизма... является такой же важной задачей, как и победа над Деникиным».

Декрет «Об усилении охраны путей сообщения»¹ предписал всем начальникам охраны дорог усилить до возможных пределов бдительность охраны, а губисполкомам, уездисполкомам и чрезвычайным комиссиям во всех случаях злоумышленного разрушения путей сообщения и технических сооружений «из ближайших к месту учинения преступления городов, сел и деревень брать заложников из местного кулачества, а при повторных случаях разрушения путей — беспощадно расстреливать их». Декретом «О наказуемости разрушения путей сообщения»² со всей ясностью указано, что «ли-

¹ СУ, 1919, № 34, ст. 386.

² СУ, 1919, № 34, ст. 387.

ца, виновные в разрушении путей сообщения и обслуживающих таковые технических сооружений, предаются суду Революционного трибунала и наказываются расстрелом». Декретом «Об усилении охраны телеграфной сети и наказуемости ее умышленного повреждения»¹ поручено местным исполкомам, ревкомам, комбедам и другим административным органам установить самое тщательное наблюдение за сохранностью телеграфной сети и принять соответствующие меры к предотвращению и искоренению подобных злодеяний «путем, с одной стороны, самой широкой разъяснительной работы среди населения о том, что телеграф является правительственным и общегосударственным органом «первостепенной важности», а с другой стороны, мерами кары по всем строгостям законов военного времени — вплоть до расстрела».

На организованные отряды по борьбе с бандитизмом возлагалась, кроме истребления бандитов, другая задача — вести в селе политическую работу, целью которой должна была быть организация местной деревенской бедноты и расчленение деревни. Исключительные меры репрессии, правильно сочетаемые с политико-воспитательной работой среди населения, особенно среди крестьянства, привели к тому, что число диверсий значительно сохранилось, и советские транспорт и телеграф стали работать бесперебойно.

Спустя полгода вопрос наказуемости разрушений железнодорожных сооружений нашел свое отражение в Постановлении Совета Рабоче-Крестьянской Обороны РСФСР «Об ответственности за злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений»². Перекликаясь с двумя декретами СНК УССР — «Об усилении охраны путей сообщения» и «О наказуемости разрушения путей сообщения», оно носило их заметный отпечаток. «Постановление» по существу объединило оба украинских закона и, несколько переработав текст, сохранило их основные мысли.

Жесткость репрессий против украинских националистов, меньшевиков, эсеров, анархистов и других заговорщиков и бандитов в этот период времени была необходимой, ибо организуемые ими в тылу Советской Украины контрреволюционные вооруженные отряды помогали продвижению войск генерала Деникина, пытавшегося с помощью Антанты расправиться с советской властью на Украине.

Для борьбы с Деникиным нужно было всю страну превратить в высоко дисциплинированный и хорошо организованный вооруженный лагерь. Надо было вести решительную борьбу не только с открытыми врагами революции, но и с

¹ СУ, УССР, 1919, № 34, ст. 388.

² СУ, РСФСР, 1919, № 50.

тем лицами, которые по своей малосознательности и по другим причинам расхищали народное добро, продукты питания, за взятки нарушали правильное функционирование советских учреждений, разглашали военную тайну, нанося всем этим вред делу революции. Надо было крепко ударить по рукам, а иногда и по голове лиц, в том числе и из рядов Советской Армии, которые под разного рода предложениями пытались присвоить или промотать продукцию и имущество, принадлежащие советским хозяйствам, а значит волей или неволей помочь врагу.

Выполняя эту миссию, правительство советской Украины издало ряд законов — декрет Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Украины «О борьбе с самочинными захватами продовольствия»¹, постановление СНК УССР «О мерах борьбы с незаконными реквизициями и конфискациями в советских хозяйствах»², декрет СНК УССР «Об ответственности за нарушение постановлений продовольственных органов»³, декрет СНК УССР «О взяточничестве и незаконных поборах»⁴, постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Украины «О сохранении военной тайны»⁵ и другие.

Все они путем установления в отношении виновных жестких мер наказания военного времени помогали советской власти охранять завоевания рабочих и крестьян в период их победы над буржуазией.

Следует заметить, что большинство из перечисленных нами законов тяжесть своей репрессии распространяли не только на «контрреволюционеров, торговцев, промышленников, чиновников и др.», как это указывалось в первых законах советской власти, а на всех виновных, независимо от происхождения, занимаемого положения по службе или партийной принадлежности.

«Самочинный захват продовольствия кем бы ни было (курсив мой — П. М.), — говорится в декрете Совета Р. К. Обороны Украины от 10 мая 1919 года, — считается хищением боевого имущества и будет караться со всей строгостью военно-революционного времени, вплоть до расстрела». Аналогичные упоминания мы встречаем и в ряде других законов этого времени.

Постановление СНК УССР «О мерах борьбы с незаконными реквизициями и конфискациями в советских хозяйствах» острей своего удара направляло против элементов анархии, разболтанности и других признаков недисциплинированности в армии, а главным образом против участвовавших «и

¹ СУ, 1919, ч. II, ст. 10.

² СУ, 1919, ч. II, ст. 122.

³ СУ, 1919, ч. II, ст. 126.

⁴ «Известия ВУЦИК», № 30 (57) от 30.4—1919 г.

⁵ СУ, 1919, ч. II, ст. 132.

ицений, а также произвольных и незаконных реквизиций и конфискаций продукции и имущества зерновых и сахарных советских хозяйств. Оно объявляло все эти советские хозяйства «неприкосновенным народным богатством социалистической республики, имеющим первостепенное государственное значение», и назначало лицам, в каком бы то ни было виде посягнувшим на эту собственность, — высшую меру наказания.

Декрет «Об ответственности за нарушение постановлений продовольственных органов» служил тем же целям, что и предыдущие. Его ст. 1 говорит: «Виновный в нарушении изданных уполномоченными на то продовольственными органами обязательных постановлений, или в неисполнении законных распоряжений, либо требований этих органов, касающихся:

- а) учета товаров,
- б) передачи взятых на учет товаров в срок по требованию надлежащих учреждений,
- в) ввоза, вывоза, перевозки и продажи товаров наказывается денежным взысканием не свыше пятидесяти тысяч рублей или же лишением свободы на срок не свыше одного года и шести месяцев. Сверх того суду предоставляется по его усмотрению постановлять о конфискации товаров, скрытых от учетов, не переданных в срок, ввозившихся, вывозившихся, перевозившихся или продававшихся с нарушением, указанного в этой статье постановлений, требований и распоряжений»¹.

Диспозиция цитируемого закона предусматривала два объекта посягательства — это, во-первых, обязательные постановления продовольственных органов и, во-вторых, распоряжения и требования этих органов. Законодатель, однако, указывал, что обязательные постановления являются объектом посягательства лишь в том случае, когда они изданы «уполномоченными на то продовольственными органами». Следовательно, исполнение обязательного постановления некомпетентного в данном вопросе продовольственного органа является необязательным. Более того, оно являлось деянием неправомерным, а иногда и преступным.

Итак, обязательное постановление являлось объектом посягательства, когда оно было отдано компетентным органом. Было далеко недостаточно одной компетентности для того, чтобы объектом посягательства стали распоряжения и требования этих органов. В таком случае следовало руководствоваться не компетентностью, а законностью данного распоряжения или требования. Правда, компетентность органа, отдавшего распоряжение или требование, сама по себе созда-

¹ СУ, 1919, ч. II, ст. 126.

вала обязательность к его исполнению: она заключала в себе как бы презумпцию законности, но эта законность являлась лишь кажущейся, и коль скоро требование или распоряжение предписывало заведомо преступное деяние, оно не должно было исполняться, несмотря на формальную его законность. Наступавшая коллизия между законом и формально законным распоряжением либо требованием должна была разрешаться по правилу приоритетности закона, так как право издавать распоряжения и требования было дано производственным органам законом и закон мог в любое время взять это право обратно. Понятно, что за неисполнение незаконного распоряжения либо требования, хотя бы и компетентного в данных вопросах производственного органа, никто не отвечал.

Законные распоряжения или требования, как явствует из декрета, могли издаваться производственными органами по любому вопросу своей компетенции, но ответственность лиц, нарушающих эти предписания или требования, не всегда наступала по ст. 1 декрета. Преступные деяния лица попадали под действия ст. 1 лишь в том случае, когда они касались обстоятельств:

- а) учета товаров,
- б) передачи взяток на учет товаров в срок по требованию подлежащих учреждений,
- в) ввоза, вывоза, перевозки и продажи товаров—в противном же случае, т. е. когда посягательства направлены на обязательные постановления, распоряжения или требования, не предусмотренные ст. 1 декрета, к ним применялась ст. 2, устанавливавшая санкцию в виде денежного взыскания не свыше пяти тысяч рублей или лишения свободы, не превышающее трех месяцев.

Альтернативная санкция декрета давала суду возможность, оценив все обстоятельства дела, применить к виновному любую из указанных в законе мер наказания: либо связанную с лишением свободы, если социальная опасность преступника требовала этого, либо связанную с ущемлением материальных благ, не лишая его свободы.

Постановляя обвинительный приговор, предусматривающий уплату денежного взыскания, суд, на случай несостоятельности виновного, обязан был в этом же приговоре определить ему по своему усмотрению срок лишения свободы, не превышающий, однако, предела лишения свободы, назначенного за учиненное деяние. Декрет имел обратную силу.

Большой интерес представляет собой декрет СНК УССР «О взяточничестве и незаконных поборах». Он отличался своими репрессиями, которые были одинаково суровы как в отношении основных виновников принятия взятки, так и в

отношении их пособников, как за оконченное преступление, так и за покушение на него.

Не ниже десяти лет лишения свободы с конфискацией имущества и лишением права занимать ответственные должности в советских и общественных учреждениях на срок не менее 20 лет наказывались должностные лица, требовавшие или вымогавшие взятку, «ввиду или с целью совершения действий, входящих в круг их обязанностей; не ниже как пятью годами лишения свободы, штрафом в тройном размере взятки и лишением права занимать ответственные должности в советских и общественных учреждениях на срок не ниже 10 лет наказывались должностные лица, принявшие или только пытавшиеся принять взятку; не ниже как десятью годами лишения свободы, конфискацией имущества и лишением права занимать ответственные должности в советских и общественных учреждениях на срок не ниже 20 лет или смертной казнью наказывались должностные лица, «виновные в принятии взятки ввиду или с целью совершения в круге их обязанностей преступления или служебного проступка, а в случае требования или вымогательства при совершении указанных деяний,— лишением свободы на срок не менее 15 лет, конфискацией имущества и лишением права занимать ответственные должности в советских и общественных учреждениях навсегда, либо смертной казнью»¹.

Столь жесткие меры наказания предусматривались, главным образом, потому, что острее данного вида преступлений направлялось на правильную деятельность учреждений молодого Советского государства. Должностные лица, принимая взятку, совершали действия, которые в той или иной мере подрывали авторитет этих учреждений и, кроме этого, нарушали их правильную работу, а значит, в конечном счете, вредили становящейся на ноги советской власти. Но для наличия состава взяточничества необходимы были следующие установленные законом условия:

- а) взятка должна была быть принята должностным лицом;
- б) действия за взятку должны были вытекать исключительно из служебного положения взяточника;
- в) эти действия обязательно должны были входить в круг служебных обязанностей взяточника. Если хоть одно из перечисленных обстоятельств отсутствовало, состава взяточничества не было, но если они наличествовали, виновный отвечал по всей строгости закона.

Анализируемый декрет украинского правительства не был новостью в советском уголовном законодательстве и в основном воспроизводил содержание декрета СНК РСФСР

¹ «Известия ВУЦИК» № 30 (57) за 30. IV—1919 г.

от 5 мая 1918 года, но вместе с тем содержал в себе и существенные отличия. Так, например, декрет РСФСР, как и украинский закон, имел обратную силу, но с оговоркой, что от преследования за дачу взятки, если таковая была произведена до издания этого декрета, освобождаются те лица, «которые в течение трех месяцев со дня настоящего декрета заявят судебным властям о даче ими взятки»; этой оговоркой украинский закон не предусматривал. Среди мер дополнительных наказаний в декрете Российской Федерации мы не встречали штрафа и лишения права занимать ответственные должности в советских и общественных учреждениях, а среди основных наказаний отсутствовала смертная казнь. Нельзя обойти молчанием и тот факт, что конфискация имущества, как дополнительная мера наказания, в декрете РСФСР распространялась только на представителей имущих классов. Украинский закон предусматривал ответственность не только взяточникам, но и лицам, дающим взятки или «оказывающим содействие передачей взятки, принятием ее под своим именем или иным посредством». Но он не предусматривал ответственности подстрекателей и прикосновенных лиц. Отличия декрета УССР шли, главным образом, по линии усиления репрессий, которые вызывались все еще сохранявшимся на территории Украины бандитизмом.

К числу законодательных актов этого периода, кроме перечисленных выше, относились 2 постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Украины: «О самостоятельных отлучках из частей»¹ и «О сохранении военной тайны»².

Во время тяжелой и упорной борьбы Красной Армии против иноземных захватчиков и белогвардейцев, все еще пытавшихся свергнуть Советы и восстановить на Украине власть помещиков и капиталистов, дезертирство из армии расценивалось, как «одно из самых тяжких и позорных преступлений». Страна была превращена в «осажденную всемирным капиталом крепость». И «право пользоваться ею, как убежищем..., и вообще право жительства в ней мы можем признать, — писал Ленин в статье «Все на борьбу с Деникиным», — только за тем, кто активно участвует в войне и всемерно помогает нам. Отсюда вытекает наше право и наша обязанность «поголовно мобилизовать население для войны»³.

Основная масса воинов Красной Армии, стойко перенося тяготы войны, честно боролась на фронте, но отдельные нерадивые или несознательные элементы, особенно из крестьян, убегали из воинских частей в свои села, к земле, к

¹ СУ, 1919, ч. II, ст. 116.

² СУ, 1919, ч. II, ст. 132.

³ Сборник «Ленин и Сталин», том 2, стр. 259.

семье, к хозяйству. В связи с этим Совет Рабоче-Крестьянской Обороны Украины вынужден был принять экстренные меры. Все советские учреждения Украины были обязаны немедленно приступить к повсеместному розыску дезертиров с тем, чтобы передать их в руки власти. Не приостанавливая начатой борьбы с дезертирством, они обязаны были также разъяснить населению, что «те дезертиры, которые в течение двухнедельного срока со дня опубликования особого приказа добровольно явятся в распоряжение военных властей», от наказания будут освобождены. Эти лица брались на особый контроль и при повторном дезертирстве подвергались более строгим наказаниям. В постановлении «О самовольных отлучках»... указывалось, что «эти льготы (имеется в виду освобождение от наказания — П. М.) не распространяются на самовольно оставивших свои части или уклоняющихся от учета после опубликования настоящего постановления».

Наряду с принятыми мерами по борьбе с дезертирством путем жесткого наказания дезертиров, с одной стороны, и путем широкой агитационно-пропагандистской работы — с другой, были также приняты строгие меры и к разгласителям военной тайны.

Военнослужащие, разгласившие военные секреты, вольно или невольно выболтавшие их шпионам, подлежали суду Военно-революционного трибунала.

Для законченного состава преступления закон не требовал обязательного наступления вредных последствий от разглашения военной тайны; вполне достаточно было самого факта разглашения. Не имел значения также и способ разглашения тайны: то ли ее передали по телефону, то ли выболтали знакомой девушке, то ли рассказали товарищу и т. д. Наступление вредных последствий, а равно разглашение военной тайны путем грубой неосторожности являлись лишь отягчающими вину обстоятельствами и влекли за собой более суровую ответственность.

Постановление говорило о наказании за разглашение военной тайны и за нарушение правил, установленных для сохранения военной тайны, виновных в этом *военнослужащих*. Следовательно, ответственность каждого военнослужащего, будь он рядовой или командир, или политработник, наступала одинаково. Совершенно очевидно, что речь шла о неосторожном разглашении военной тайны в форме самонадеянности или преступной небрежности, так как умышленное разглашение являлось действием контрреволюционного характера и в соответствии с этим виновный подлежал немедленному наказанию как враг Советского государства.

Принятыми в разрезе указанных постановлений Совета Рабоче-Крестьянской Обороны мерами порядок и организован-

ность в частях Украинской Красной Армии были подняты еще выше, что помогло ей в борьбе с ненавистным врагом.

Уголовное законодательство УССР 1920—1921 годов и вопросы наказания в нем

Уголовное законодательство 1920—1921 гг. несомненно отвечало социально-экономическим условиям, складывавшимся в стране, и помогало органам советской власти вместе с освобождением Украины от белогвардейских банд освободить ее от того гнета, который с нормами буржуазного права они принесли.

1 декабря 1919 года постановлением ЦИК и СНК Украины был организован Всеукраинский ревком, на который возлагалось осуществление трех главнейших задач: 1) организация всемерного содействия продвижению советских войск по Украине; 2) установление твердой Рабоче-Крестьянской власти на территории свободной Украины; 3) созыв IV Всеукраинского съезда Советов, этого высшего органа полномочий к разрешению всех важнейших вопросов государственной жизни.

Для содействия Всеукраинскому Ревкому в деле отправления юстиции 13 января 1920 года была учреждена Комиссия юстиции.

Разрешая поставленные задачи в области законодательной, Ревком прежде всего издал декрет об аннулировании законодательства белогвардейских правительств¹, чем юридически закрепил уничтожение всех законов и положений, изданных белогвардейской властью, как чуждых смыслу и духу советской идеологии. Спустя некоторое время, 27 января 1920 года, Всеукраинский Ревком в развитие соглашения Героссийского и Всеукраинского ЦИК от 1 июня 1919 года «Об объединении деятельности обеих республик» впредь до окончательного оформления взаимоотношений аннулировал все декреты и постановления Советской Украины, касающиеся органов власти и подведомственных учреждений: военных, ВСНХ, продовольствия, трудсобега, почты и телеграфа, финансов, и заменил их декретами Российской Федерации, которые подлежали немедленному исполнению комиссиями Ревкома. Следует отметить, что одновременно с этим каждому ведомству было поручено приступить в срочном порядке к пересмотру декретов и представить на утверждение Всеукраинскому те из них, которые нуждались в изменении в связи с украинской обстановкой.

Почти одновременно были изданы два постановления Всеукраинского ревкома—«Об объявлении вне закона Махно и махнов-

¹ СУ, 1921, № 1, ст. 5.

цев»¹ и «О применении высшей меры наказания на Украине»². Важность и своевременность этих постановлений несомненны. В первом из них законодатель справедливо отметил, что в период ожесточенной борьбы Красной Армии с польскими панами измена и предательство Махно, отказавшегося выступить против поляков и объявившего войну Красной Армии, подобны измене Григорьева, Петлюры и других предателей украинского народа, и постановил: 1) Махно со всей группой объявить вне закона как дезертиров и предателей; 2) всех, кто поддерживал или укрывал изменников украинского народа, беспощадно уничтожать; 3) трудовое население Украины обязать всячески поддерживать Красную Армию в деле уничтожения предателей-махновцев.

Второе из постановлений решало вопрос о применении смертной казни в связи с отменой ее в РСФСР. Всеукраинский ревком, обсудив вопрос о применении высшей меры наказания по приговорам ЧК и революционных трибуналов в пределах Украины, пришел к выводу, что отмена ее в РСФСР явилась результатом: 1) полного подавления шпионской, дезорганизаторско-мятежнической деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной Армии; 2) разгрома контрреволюции на фронтах; 3) уничтожения крупных тайных организаций контрреволюционеров и бандитов; 4) достигнутого вследствие этого укрепления советской власти.

Все эти условия, угрожавшие существованию советской власти на Украине, ликвидированы еще не были, и поэтому вопрос об отмене красного террора в пределах Украинской республики временно осуществлен быть не мог, ибо враг попрежнему оказывал Красной Армии отчаянное сопротивление, а в тылу с каждым днем обнаруживались все новые и новые контрреволюционные заговоры. Всеукраинский ревком, ответственный перед рабоче-крестьянской массой за всемерное укрепление советской власти на Украине, вынужден был сохранить смертную казнь до тех пор, пока укрепление власти рабочих и крестьян на Украине не будет завершено полностью.

Вскоре постановлением Президиума Всеукраинского ЦИК от 19 февраля 1920 года Всеукраинский ревком и состоявшая при нем комиссия юстиции были упразднены, а для осуществления высших задач управления образованы семь народных комиссариатов, в том числе и Народный Комиссариат Юстиции, призванный согласно его конституции («Известия Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины» от 1 марта 1920 года, № 57) оказывать высшему правительству ближай-

¹ СУ, 1920, № 1, ст. 3.

² Там же, ст. 12.

шую помощь и содействие в деле правового оформления советского строя и организации учреждений, проводящих в своих приговорах и решениях основы социалистического правосознания соответственно интересам пролетарской революции.

Организация Народного Комиссариата Юстиции уже сама по себе была огромным шагом вперед на пути проведения в жизнь мероприятий советской власти, ибо он на первых порах сосредоточивал в себе функции всех органов юстиции, воистину являясь правовым арсеналом. Как указывалось в отчете IV съезду Советов, деятельность НКЮ УССР была направлена не только на разработку и редактирование законодательных предположений, а и на организацию судебных установлений, революционных трибуналов и нарсудов, проведение в жизнь норм гражданского и уголовного права, организацию и общее направление деятельности судебных учреждений, на инструктирование и надзор за деятельностью судебных установлений, на отдачу разъяснений по вопросам права и на снабжение учреждений законодательными материалами.

Ряд изданных Народным Комиссариатом Юстиции Украины циркуляров, приказов и инструкций, направленных как на улучшение судебных мест, так и на улучшение отдельных институтов права, позднее были опубликованы в собраниях Узаконений украинского правительства и приобрели силу законов. Среди них прежде всего могут быть отмечены: циркулярное письмо от 28 февраля 1920 года «О порядке производства дел в революционных трибуналах»¹; временное положение от 16 апреля 1920 года «О лицах, приговоренных к общественно-трудовым работам без лишения свободы»²; циркуляр от 6 июня 1920 года «О запрещении судебным местам выносить приговоры, устанавливающие наказание в виде фронтальной службы»³; циркуляр от 22 апреля 1920 года «О замене в судебных приговорах вида наказания «тюремное заключение» «принудительными работами с лишением свободы»⁴; циркуляр от 12 июня 1920 года «Об особом порядке рассмотрения дел о контрреволюции и злобной агитации»⁵; циркуляр от 4 августа 1920 года «О руководящих началах по уголовному праву РСФСР»⁶ и другие.

В письме НКЮ «О порядке производства дел в революционных трибуналах» помимо решения ряда вопросов чисто процессуального характера указывалось, что революционные трибуналы, подчиняясь декретам Советского правительства

¹ СУ, 1920, № 1, ст. 15.

² СУ, 1920, № 7, ст. 17.

³ СУ, 1920, № 12, ст. 237.

⁴ СУ, 1920, № 8, ст. 130.

⁵ СУ, 1920, № 14, ст. 274.

⁶ СУ, 1920, № 22, ст. 437.

Украины в отношении определения наибольшей и наименьшей меры наказания, в то же время не были связаны какими-либо обязательными карательными нормами в этих пределах и определяли их по своему внутреннему убеждению, руководствуясь только интересами социалистической революции и социалистическим правосознанием. Письмо еще раз подчеркивало основные задачи революционных трибуналов, которые сводились прежде всего к беспощадной борьбе с контрреволюционерами, саботажниками и другими активными врагами советской власти. В период, когда все силы международной и внутренней контрреволюции пытались помешать упрочению социалистического строя на Украине, нужно было особенно строго и решительно карать врагов Рабоче-Крестьянской власти. Отступление от этого общего правила допускалось лишь в исключительных случаях, когда перед судом были рабочие или немущие крестьяне, совершившие преступления по неосознанности, без корыстной или иной какой-либо заинтересованности. Если в этих случаях Революционный трибунал, исходя из всех обстоятельств совершения преступления, усматривал смягчающие вину признаки, то он, как отмечалось в письме, должен был назначить виновному соответствующую меру наказания с учетом этих признаков, не прибегая без надобности к ходатайству перед правительством о смягчении наказания.

Письмо нацелило революционные трибуналы на борьбу с преступлениями, подрывающими устои и мешающими упрочению советской власти на Украине, помогло им сориентироваться в выборе назначаемых преступникам видов и мер наказаний и еще раз определило круг деяний, составляющих подсудность революционных трибуналов.

После издания циркулярного письма революционные трибуналы перестроили свою работу. Они стали по преимуществу органами быстрой и суровой репрессии по делам, им подсудным, и совершенно не принимали к своему производству дел, составляющих подсудность народных судов и других установлений.

16 апреля 1920 года был опубликован законодательный документ «О лицах, приговоренных к общественно-трудовым работам без лишения свободы»¹. Важность его состояла прежде всего в том, что он узаконил и упорядочил применение установленных в процессе судебного правотворчества мер наказания в виде общественных принудительных работ без лишения свободы. Этот вид наказания до издания Временного положения применялся всеми судебными местами за самые различные преступления, причем низший и высший пределы срока принудительных работ устанавливал сам суд.

¹ СУ, 1920, № 7, ст. 17.

Народный суд 5 участка Енакиевского уезда, например, приговорил гр. Крутина А. за нарушение общественного спокойствия и порядка к 7 дням общественно-принудительных работ, а Народный суд 2 участка Херсонского округа приговорил гр. Шкода И. З. за самогонварение к 3 годам общественно-принудительных работ. Применяли к виновным общественно-принудительные работы и революционные трибуналы по делам, в основном им не подсудным.

С выходом в свет Временного положения общественно-принудительные работы без лишения свободы стали назначаться по приговорам судов и постановлениям административных органов, специально на то уполномоченных, виновным лишь в совершении маловажных проступков, а их срок не должен был превышать 2 лет. Приговоренные к указанной мере наказания лица поступали в распоряжение местного карательного подотдела юридического отдела Советов, который обязан был отобрать от осужденного подписку о невыезде, а затем после установления рода работ и степени трудоспособности направить его на предприятие, нуждающееся в рабочей силе. Отбывавший наказание получал все виды довольствия наравне с другими рабочими, но с той лишь разницей, что из его зарплаты 5% отчислялось на покрытие расходов, связанных с ведением делопроизводства местных карательных подотделов, и что он не имел права покинуть порученную ему работу до истечения полного срока наказания, назначенного ему соответствующими органами. Во время отбывания наказания виновный, работая в нормальных условиях, обязан был под угрозой назначения нового добавочного вида наказания относиться к порученному делу добросовестно. В противном случае народный судья единолично назначал провинившемуся осужденному дополнительное наказание либо по месту исполнения работ, либо по месту его жительства.

Осужденные к общественно-принудительным работам без лишения свободы в вопросах процессуальных приравнивались к лицам, осужденным к заключению или к принудительным работам с лишением свободы; за ними сохранялось право обжалования приговора, ходатайства о помиловании, о досрочном освобождении и др.

В уголовном законодательстве РСФСР предкодификационного периода специального акта, который бы посвящался вопросу наказания в виде общественно-принудительных работ без содержания под стражей, мы не находим, но упоминается о существовании такого вида наказания имеется. В примечании к ст. 1 Временной инструкции «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового», объявленной постановлением НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 года, говорилось буквально следующее: «Под лишение свободы под- ходит и присуждение судом к кратковременным (до 3-х меся-

цев) принудительным общественным работам без заключения под стражу на время, свободное от работы». Следовательно, уголовное законодательство РСФСР в принципе допускало меру наказания в виде общественно-принудительных работ без лишения свободы. Тем не менее оно не регламентировало ее применения. А цитируемое выше примечание к ст. 1 Временной инструкции дальше установления высшего предела этой меры наказания (3 месяца) так и не пошло.

Преимущество законодательного акта УССР очевидно. Оно состоит и в установлении компетенции органов, имеющих право применять этот вид наказания, и в определении его высшего предела в 2 года, а не в 3 месяца, как об этом говорят примечание к Временной инструкции НКЮ РСФСР, а в подробной регламентации порядка исполнения приговоров.

Высказанное с достаточной ясностью говорит нам о том, что разработка вопроса о применении наказания в виде общественно-трудовых работ без лишения свободы впервые была осуществлена украинским уголовным законодательством, хотя этот вид наказания, возникший в процессе правотворчества судов, известен был и в РСФСР. К сказанному выше следует добавить, что двухгодичный диапазон по законодательному акту Украинской республики давал возможность шире применять и индивидуализировать эту меру наказания, задача которой состояла прежде всего в «воспитании и перевоспитании масс к дисциплине».

Циркуляр НКЮ УССР от 22 апреля 1920 года «О замене в судебных приговорах вида наказания «тюремное заключение» — «принудительными работами с лишением свободы»¹ был вызван неправильным пониманием отдельными судебными местами тех изменений в вопросах карательной политики и практики, которые происходили в Советской Украине после победы Великой Октябрьской социалистической революции. К 1920 году на территории Советской Украины тюремного заключения как такового уже не существовало. Оно было фактически заменено другим видом наказания, отличным от прежнего и своей формой и содержанием, — принудительными работами с лишением свободы на определенный срок. Несмотря на это, в приговорах судебных мест нередко можно было еще встретить неправильные указания на осуждение к «тюремному заключению».

В связи с этим НКЮ УССР указанным выше документом разъяснил, что впредь, при вынесении приговоров с лишением свободы, судебные места республики должны определять наказание, как осуждение к «принудительным работам с лишением свободы», так как суды, являясь одними из органов государственного управления, должны в своих приговорах,

¹ СУ, 1920, № 8, ст. 130.

выносимых от имени Государства, отражать только действительность и только правду.

В законодательстве Российской Федерации подобного акта не было.

Весьма заметным явлением на пути развития Украинского Советского уголовного законодательства был циркуляр НКЮ УССР от 6 июня 1920 года «О запрещении судебным местам выносить приговоры, устанавливающие наказание в виде фронтальной службы»¹. Этот циркуляр не только путем категорического предписания запрещал судебным местам применять в виде меры наказания отправление на фронт для службы в рядах Красной Армии, но и показал всю несостоятельность и вред существовавшего ранее положения. Он абсолютно правильно отметил, что вынесение приговора с наказанием в виде фронтальной службы унижает достоинство Красной Армии, вводит в ее состав преступный элемент и ставит преступника в положение, фактически избавляющее его от наказания.

Циркуляр НКЮ УССР от 12 июня 1920 года «Об особом порядке рассмотрения дел о контрреволюции и злобной агитации»² был вызван новым натиском международной контрреволюции, обрушившейся вооруженным кулаком польской шляхты и петлюровских банд на Украинскую Советскую социалистическую республику, и ее попыткой путем шпионажа и злобной агитации внести разложение в советский тыл. Эсеров-кулацкие (петлюровские) банды внутри страны, получая поддержку извне, усиленно агитировали отсталые крестьянские массы на причинение как можно большего вреда советской власти, ее правительственным и хозяйственным органам. В этот ответственный период времени на Украине была объявлена им самая решительная борьба по всем направлениям: по линии военной при фронтах и армиях были созданы штабы тылов, специально занимавшиеся вопросами борьбы с бандитизмом в тылу страны, а по линии советской и партийной, помимо усиленной агитационно-массовой работы среди населения, настойчиво проводилась борьба за расслоение деревни, противопоставление кулачеству беднейших слоев населения. При Совете Народных Комиссаров Украины, губисполкомах и ниже были созданы постоянные совещания по борьбе с бандитизмом.

В качестве карающего меча для «всех злобных шпионов и шпионских врагов советской власти» должна была всей своей тяжестью обрушиться могучая репрессия пролетарского суда — Революционного трибунала. В связи с этим и принимая во внимание необходимость применения быстрой и суровой репрессии, циркуляр установил, что предварительное следствие по тако-

го рода делам не должно превышать 48 часов, а судебное заседание должно следовать незамедлительно и непосредственно за окончанием предварительного следствия. К преступникам, осужденным за шпионаж и контрреволюционную агитацию в советском тылу, амнистия I съезда Советов не применялась, о чем должно быть специально отмечено в приговоре. Приговоры, определявшие виновным смертную казнь, по общему правилу, не приводились в исполнение, когда осужденный подавал кассационную жалобу или просьбу о помиловании, но в исключительных случаях, требующих безотлагательной репрессии, приведение смертных приговоров в исполнение допускалось, не ожидая результатов жалобы, при обязательном условии единогласного утверждения такого приговора Президиумом соответствующего Губисполкома или Губревкома. Такое вполне правильное решение вопроса, несомненно, сыграло свою положительную роль в упрочении советской власти на Украине в период ее борьбы с интервентами и бандитизмом 1920 года.

4 августа 1920 года постановлением коллегии НКЮ УССР, опубликованным в Циркуляре НКЮ¹, были введены на территории Советской Украины без всякого изменения текста «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». Они были первой попыткой систематизировать нормы советского уголовного права, «подвести итог конкретного проявления пролетарского права» после ожесточенной двухлетней борьбы пролетариата с его классовыми врагами.

Помимо перечисленных документов, Народный Комиссариат Юстиции УССР издал ряд других, в свое время опубликованных в Известиях Всеукраинского ЦИК и приобретенных, в связи с этим, для Советской Украины силу законов. Они в подавляющем большинстве своем регламентировали процессуальную деятельность органов следствия и суда и являлись в той или иной мере своеобразными предшественниками отдельных разделов, статей и частей Уголовно-процессуального кодекса 1923 года.

Не менее напряженная работа велась Народным комиссариатом юстиции УССР и по организации судебных мест. Первое полугодие 1920 года можно назвать полугодием ликвидации старых судебных установлений, являвшихся проводниками буржуазного права, и создания взамен их органов пролетарской юстиции.

По имеющимся в архиве НКЮ УССР сведениям к маю 1920 года во всех губерниях Украины были уже созданы губернские и уездные отделы юстиции, революционные трибуналы, а также Советы народных судей. Что касается низ-

¹ СУ, 1920, № 12, ст. 237.

² СУ, 1920, № 14, ст. 274.

ных органов юстиции, народных судов, то их организация продолжалась в течение всего 1920 года.

В своей практической деятельности народные суды и революционные трибуналы руководствовались: 1) декретами и постановлениями, изданными правительством Советской Украины до нашествия белогвардейцев и не отмененными постановлением Всеукраинского Ревкома от 27 января 1920 года, 2) декретами и постановлениями Российской Федерации, распространенными украинским законодательством УССР. В стране, 3) текущим уголовным законодательством УССР. В дальнейшем своем изложении мы будем освещать лишь текущее уголовное законодательство Советской Украины периода 1920—1921 годов, которое насчитывало в себе 66 уголовно-законодательных актов, причем в 1920 году их было 24, а в 1921 году—42.

Из числа 24 законодательных актов 1920 года было издано:

Постановлений Совета Народных Комиссаров УССР	— 4
Декретов Совета Народных Комиссаров УССР	— 2
Постановлений Всеукраинского ЦИК	— 1
Постановлений Всеукраинского съезда Советов	— 2
Постановлений Реввоенсовета юго-западного фронта и СНК УССР	— 3
Постановлений Реввоенсовета юго-западного фронта	— 1
Постановлений Всеукраинского Ревкома	— 2
Декретов Всеукраинского Ревкома	— 2
Наказов Всеукраинского съезда Советов	— 1
Циркуляров Народного Комиссариата Юстиции УССР	— 5
Военных положений Народного Комиссариата Юстиции УССР	— 1
Инструкций Народного Комиссариата Юстиции УССР	— 1

Среди 42 уголовно-законодательных актов, изданных в 1921 году, встречаем:

Постановлений Совета Народных Комиссаров УССР	— 14
Постановлений Всеукраинского ЦИК	— 12
Декретов Совета Народных Комиссаров УССР	— 5
Положений Всеукраинского ЦИК	— 3
Инструкций Народного Комиссариата Юстиции УССР	— 3
Инструкций Народного Комиссариата иностранных дел и народного Комиссариата Юстиции УССР	— 1
Постановлений Всеукраинского съезда Советов	— 2
Декретов Всеукраинского ЦИК	— 1
Инструкций Совета Народных Комиссаров УССР	— 1

По содержанию все их можно условно разделить на две группы: 1) законы, регламентирующие вопросы борьбы с конкретными видами преступлений и, прежде всего, контрреволюцией, бандитизмом, спекуляцией, взяточничеством, т. е. законы, которые либо устанавливали, либо изменяли, либо

совсем отменяли отдельные виды или меры наказания; 2) законы, регламентирующие процессуальную деятельность органов следствия и суда. Наиболее значительная их часть (57) относилась к первой группе и лишь 9—ко второй. Небезынтересно также отметить неоднородность законов, условно отнесенных нами к первой группе.

Некоторые из них, исходя из социально-экономических условий в стране, решали вопросы наказания в широком смысле этого слова. Таковы: «О применении высшей меры наказания на Украине»¹, «О запрещении судебным местам выносить приговоры, устанавливающие наказание в виде фронтовой службы»², «О замене в судебных приговорах вида наказания «тюремное заключение»—«принудительными работами с лишением свободы»³, «Об амнистии различным категориям преступников»⁴, «О порядке высылки преступного элемента из пределов УССР»⁵ и другие.

Вторые лишь изменяли существовавшие ранее санкции, усиливая или смягчая наказания по конкретным составам. К ним следует отнести: «Об ответственности несовершеннолетних»⁶, «О порче железнодорожных путей, телеграфных и телефонных проводов»⁷, «О борьбе с бандитизмом» и «О мерах борьбы с бандитизмом»⁸, «О мерах борьбы с детской беспризорностью»⁹, «Об усилении наказания за содействие проституции»¹⁰ и другие.

Третьи устанавливали, какое именно деяние является преступным, его признаки и одновременно с этим устанавливали вид и меру наказания. Среди них прежде всего заслуживают быть отмеченными: «О воспрещении производить закупки заграничных товаров в прифронтовой полосе»¹¹, «О мерах борьбы с преждевременным снятием урожая и покосов и с фактами порчи полей и лугов»¹², «О возложении охраны продовольственных складов, запасов и хранилищ на местное население»¹³, «О трудовом дезертирстве»¹⁴, «О борьбе с проституцией»¹⁵ и другие.

¹ СУ, 1920, № 1, ст. 12.

² СУ, 1920, № 12, ст. 237.

³ СУ, 1920, № 8, ст. 130.

⁴ СУ, 1920, 1921 годов, 15 законодательных актов.

⁵ СУ, 1921, № 6, ст. 179.

⁶ СУ, 1920, № 15, ст. 281.

⁷ СУ, 1920, № 19, ст. 368.

⁸ СУ, 1921, № 2, ст. 45, № 20, ст. 592.

⁹ СУ, 1921, № 11, ст. 293.

¹⁰ СУ, 1921, № 17, ст. 508.

¹¹ СУ, 1920, № 14, ст. 263.

¹² СУ, 1920, № 18, ст. 538.

¹³ СУ, 1920, № 22, ст. 449.

¹⁴ СУ, 1921, № 10, ст. 227.

¹⁵ СУ, 1921, № 14, ст. 375.

Наиболее распространенными видами преступлений на Украине периода 1919—1921 годов были: политический и уголовный бандитизм, дезертирство из армии и с предприятий, расхищение и уничтожение социалистической собственности. Из всего уголовного законодательства Советской Украины этого периода 39% было посвящено перечисленным видам преступлений, причем 21% прямо или косвенно решал вопросы борьбы с бандитизмом, 11% — с расхищением и уничтожением социалистической собственности и 7% — с дезертирством.

Анализируя развитие украинского советского уголовного законодательства и, главным образом, динамику наказания по конкретным составам преступлений, мы пришли к выводу, что оно, как и преступность в стране, не может рассматриваться изолированно от других явлений общественной жизни, которой они сопутствуют или которыми обусловлено их развитие. Уголовное законодательство, как и карательная практика судебных мест, исключительно наглядно показывает становление и укрепление советской власти на Украине, а вместе с этим ослабление судебной репрессии к второстепенным и случайным преступникам путем многочисленных амнистий и усиление ее к врагам Советского государства.

Чтобы подтвердить правильность высказанного положения, достаточно обратиться к анализу уголовного законодательства, хотя бы по одному из наиболее распространенных видов преступлений — бандитизму.

Бандитские проявления со стороны деклассированных лиц на Украине, принявшие особенно широкие размеры в годы гражданской войны, продолжали действовать на всем протяжении 1921 года. Являясь одним из наиболее опасных видов преступлений, бандитизм очень часто принимал политическую окраску, становясь военной опорой внутренней и внешней контрреволюции и представляя величайшее препятствие для строительства советской власти на Украине. Организовавшись в шайки убийц, разбойников и грабителей, бандиты мешали сельской бедноте взять в руки власть, мешали продовольственным заготовкам, правильной работе железнодорожного и телеграфного сообщения, делали невозможным восстановление нормальной экономической жизни и правильного функционирования советских органов.

В годы ожесточенной борьбы с интервентами Антанты и в годы гражданской войны на Украине бандитские выступления помогали империалистическим хищникам в их борьбе за уничтожение советской власти, вследствие чего империалистические государства охотно давали на своей территории приют преследуемым Красной Армией и отрядами «комитетов незаможных селян» уголовно-кулацким шайкам. Бандитские штабы получали систематическую военную и политическую

поддержку за то, что они открывали двери Украины для иностранного капиталистического нашествия.

Вот почему советская власть вела упорную и непримиримую борьбу с бандитизмом на всех этапах социалистического строительства.

В 1920—1921 годах разбитые отряды Григорьева, петлюровских и махновских банд продолжали борьбу с победившей на Украине советской властью, организовывая активную военную помощь польским панам, пытавшимся захватить Украину.

Бандитизм этого периода на Украине можно рассматривать, как лагерь контрреволюции, борющейся против Советов.

Коммунистическая партия (большевиков) Украины и Украинское советское правительство, выполняя задачу по укреплению Советского социалистического государства, повели самую решительную борьбу с бандитизмом. Бандиты и предатели Родины — Зеленый, Орловский, Соколовский и ряд других специальными постановлениями Совета Народных Комиссаров Украины¹ были объявлены вне закона. Рядом декретов, направленных против лиц, посягающих на советские транспорт и телеграф, устанавливались строжайшие меры наказания вплоть до расстрела².

9 января 1920 года Всеукраинский Ревком издал постановление об объявлении вне закона Махно и махновцев³, а для лиц, поддерживающих и укрывающих изменников украинского народа, этим же постановлением установил абсолютно определенную санкцию — расстрел.

25 мая 1920 года IV Всеукраинский съезд Советов дал Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров Украины наказ об укреплении Рабоче-Крестьянской власти. В наказе еще раз подтверждалась необходимость самой решительной борьбы со всеми и всякими проявлениями бандитизма.

В отличие от других документов наказ вмещал в обязанность не только органам советской власти бороться с ее врагами, а и всему населению, дабы превратить страну в единый боевой лагерь.

Событием, довольно необычным, выходящим за пределы появления других уголовно-законодательных актов, было постановление Совета Народных Комиссаров Украины от 29 января 1921 года «О мероприятиях по борьбе с бандитизмом»⁴. Его необычность заключалась прежде всего в том, что оно, Его необычность заключалась прежде всего в том, что оно, помимо политической оценки бандитизму и установления меры наказания за это преступление, явилось планом, а в некоторых случаях даже инструкцией по борьбе с бандитизмом.

¹ СУ, 1919, № 34, ст. 381 и № 35, ст. 405.

² СУ, 1919, № 34, ст. ст. 386, 387, 388.

³ СУ, 1919, № 1, ст. 3.

⁴ СУ, 1921, № 2, ст. 41.

Совет Народных Комиссаров Украины этим постановлением «фронт борьбы с бандитизмом объявил фронтом такой же государственной важности, каким был фронт борьбы с бело-гвардейскими генералами и каким является фронт по борьбе с хозяйственной разрухой, призвав все трудящиеся массы Украины к беспощадной борьбе с кулацко-помещичьим бандитизмом». В целях физического истребления бандитов и их пособников, а также в целях политико-экономического разрушения кулачества, питающего бандитизм, был разработан ряд конкретных мероприятий. Вооруженные отряды комнезамов, находившиеся в волостях и селах, были переданы в ведение управления милиции, организованные из комнезамов полки, батальоны и эскадроны были включены в состав территориальных полков всеобщего с оперативным подчинением их соответствующим начальникам тыла. Управления милиции и сформированные при них отряды по борьбе с бандитизмом ввиду особого их значения были переведены во всех отношениях на положение Красной Армии. Все это позволило концентрировать силы на наиболее ответственных участках, спланировать действия этих сил, всецело подчинив их ведению единого военного командования Украины.

Борьба велась и по другим направлениям. Нужно было вырвать у кулачества почву для пропаганды, нужно было путем широкой пропагандистской работы и усиления репрессий, не взирая на лица, добиться снижения преступности вообще. С этой целью СНК предписал «беспощадно карать всякие злоупотребления агентов советской власти как гражданских, так и военных учреждений, широко оглашая соответствующие приговоры по губерниям, уездам, волостям»¹. А для скорейшего выявления лиц, злоупотребляющих доверием партии и советской власти, роняющих авторитет представителей нового государства, было решено обратиться с призывом ко всем крестьянам, чтобы они по этим вопросам подавали свои жалобы непосредственно в губернские и уездные исполкомы и органы Рабоче-Крестьянской Инспекции. Последние обязывались принимать все жалобы и незамедлительно их рассматривать.

Смысл этих мероприятий сводился прежде всего к тому, чтобы активизировать беднейшее крестьянство, привлечь его к работе по упрочению советского строя, по вылавливанию всех и всяких врагов советской власти, выступающих против нее и открыто и в завуалированной форме. В этот ответственный период расслоения украинской деревни важно было показать бедняку, что кулак есть его классовый враг, что он помогает интервентам отобрать крестьянские земли и возвра-

тить их помещикам, что единственным другом, постоянно заботящимся о крестьянине, является власть Советов.

Это постановление СНК УССР было образцом тех законодательных актов первого периода существования советского государства, о которых Ленин на XI съезде ВКП(б) говорил, что они «служили формой пропаганды»¹. Оно отвечало также Ленинским требованиям — уметь находить «тысячи форм и способов» борьбы с «богатыми, жуликами и туеядцами». «Разнообразие здесь, — говорил Ленин, — есть ручательство жизнениности, порука успеха в достижении общей единой цели: *очистки* земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее»².

Спустя месяц, 1 февраля 1921 года, Совет Народных Комиссаров Украины издал новое постановление «О борьбе с бандитизмом»³.

Это постановление усилило репрессии к пособникам и укрывателям бандитов.

Несколько позднее правительство Советской Украины издало еще 3 закона, говорящих о борьбе с бандитизмом. Это: «О мерах борьбы с бандитизмом»⁴, «О ликвидации петлюровских банд на Правобережье»⁵ и «О предоставлении чрезвычайных прав сессиям по борьбе с бандитизмом»⁶. Все они после подробной характеристики обстоятельств в стране устанавливали конкретные и вместе с тем обязательные для органов советской власти и отдельных граждан мероприятия, которые помогали украинскому государству быстрее избавиться от его врагов.

Руководствуясь законами украинского правительства и социалистическим правосознанием, революционные трибуналы, в свою очередь, вели самую решительную и беспощадную борьбу со всеми и всякими проявлениями бандитизма, чем также способствовали его уничтожению.

После успешной ликвидации бандитизма в стране украинское советское уголовное законодательство все сильнее акцентирует внимание судебных установлений на вопросы привлечения к суровой уголовной ответственности только истинных врагов социалистического государства, выходцев из враждебных классов и, наоборот, «в отношении лиц пролетарского и полупролетарского происхождения суровость репрессий ослаблялась»⁷. Так все больше и больше, при установлении

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 255.

² Ленин, Соч., т. XXII, стр. 166.

³ СУ, 1921, № 2, ст. 45.

⁴ СУ, 1921, № 20, ст. 592.

⁵ СУ, 1921, № 23, ст. 668.

⁶ СУ, 1922, № 2, ст. 41.

⁷ СУ, 1921, № 11, ст. 311.

¹ СУ, 1921, № 2, ст. 41, пункт 4.

наказаний виновным, центральным вопросом становился вопрос вины, как неопременного условия уголовной ответственности.

Но одновременно с этим характеризуемый период отмечался и другими особенностями. Неурожай 1921 года, а вместе с ним недостаток продуктов питания способствовали росту некоторых преступных деяний и, в первую очередь, преступлений имущественных и должностных. В связи с этим правительство Советской Украины вынуждено было по этим преступлениям не только не ослаблять репрессии, а наоборот, в некоторых случаях идти по пути их усиления. В резолюции V Всеукраинского съезда Советов, например в разделе «О продовольственном вопросе», было записано следующее: «Учитывая крайнюю недостаточность продовольственных ресурсов для обеспечения Красной Армии, рабочих, детей, больных и общественного питания, V Всеукраинский съезд Советов считает необходимым обратить исключительное внимание на строжайшую экономию в деле расходования заготавливаемых продуктов и на образцово-хозяйственную постановку самой заготовки в переработке и хранении... Народному Комиссариату Юстиции выработать специальные и суровые меры наказания против расхищений и без того немногочисленных предметов продовольствия и предметов первой необходимости... Верховному Трибуналу привлекать к исключительно строгой ответственности все учреждения и предприятия, которые будут повинны в представлении таких (речь идет о сведениях с несуществующими «едоками») ложных сведений».

Во исполнение решения V Всеукраинского съезда Советов было издано два постановления. Одно из них исходило от Всеукраинского Исполнительного Комитета¹, а другое от Совета Народных Комиссаров².

Постановление ВУЦИК «О борьбе с хищениями грузов в государственных складах и при транспортировании грузов железнодорожным, водным и гужевым путем», помимо перечисления ряда мер предостережения от расхитителей социалистической собственности, устанавливало ответственность воров, посягнувшим на упомянутую собственность, и лицам, способствовавшим этим хищениям или не принимавшим достаточных мер к прекращению хищений. Все они должны были немедленно предаваться суду Революционного трибунала по принадлежности — губернского, военного или железнодорожному.

Постановление Совета Народных Комиссаров Украины «О мерах борьбы с должностными преступлениями» основной удар своей репрессии направляло на тех служащих советских учреждений и предприятий, которые своими поступками дискредитировали советскую власть в глазах широких трудящихся масс, вносили дезорганизацию в дело социалистического строительства, нарушали правильный ход политической и хозяйственной жизни страны и создавали благоприятную почву для всякого рода контрреволюционных и бандитских выступлений. В такой напряженный период времени необходимость установления твердого правопорядка и дисциплины в стране, а в советском аппарате в особенности, была остро ощутима. Не только убеждением, но и принуждением нужно было перевоспитать нерадивых и воспитать малоустойчивых в духе дисциплины и самодисциплины. Волокита, взяточничество, бюрократизм, различного рода злоупотребления властью и служебным положением были присущи чиновничеству капиталистического государства и стали врагами Советского социалистического государства, так как порочили его, роняли его честь и достоинство. В связи с этим постановление предписывало «всем судебным и административным учреждениям УССР применять усиленную наказуемость, вплоть до применения в особо важных случаях высшей меры наказания» за следующие должностные преступления:

- а) взяточничество;
- б) вымогательство взятки;
- в) установление незаконных поборов и повинностей;
- г) изготовление и выдача подложных документов;
- д) хищение вверенного по службе имущества;
- е) незаконное лишение личной свободы;
- ж) злоупотребление властью с причинением телесных повреждений, истязаний и изнасилования;
- з) незаконное производство обысков, реквизиций и конфискации, в особенности же связанных с утайкой задержанных вещей, денег или документов;
- и) бездействие или превышение власти, вызвавшее расстройство деятельности советского аппарата;
- к) злостный саботаж и нерадение по службе;
- л) отказ в законных просьбах граждан о содействии власти;
- м) преступная бесхозяйственность, имевшая последствием дезорганизацию имущества;
- н) излишнее и не оправдываемое обстоятельствами, исключительно формальное отношение к делу (бюрократизм и волокита), вызвавшее расстройство деятельности советского аппарата, создающее крайнюю задержку в производстве дел и делающее в глазах населения бессмысленным всякое обращение к власти;

¹ СУ, 1921, № 11, ст. 311.

² СУ, 1921, № 14, ст. 383.

о) другие должностные преступления, подрывающие авторитет советской власти и вызывающие недовольство широких масс трудящихся.

Значимость этих двух постановлений несомненна. Руководствуясь ими, судебные и административные органы нанесли крепкий удар по преступности.

Первое из анализируемых постановлений в те дни было одним из наиболее удачных уголовных законодательных актов, содержащих в себе и диспозицию и санкцию закона. Второе — делало попытку систематизировать преступления по должности. Конечно, эта систематизация, с точки зрения сегодняшнего дня, представляется порочной, но как попытка систематизации в 1921 году она не лишена известного интереса.

В заключение следует отметить, что уголовное законодательство периода успешной ликвидации бандитизма, не отступая от своих основных признаков — наказывать только конкретных виновников и только в соответствии с содеянным, учитывая при этом классовую принадлежность преступника, — при необходимости наносило жесткие и решительные удары всем тем, кто сознательно способствовал или сам посягал на основы советского строя или установленный в нем правопорядок.

Освобождение от наказания. Амнистия

«В напряженной борьбе с врагами пролетариата Рабоче-Крестьянское правительство вынуждено (было) применять суровые, а иногда и беспощадные меры. Чуждое, однако, жестокости, свойственной эксплуататорским классам, Рабоче-Крестьянское правительство дарованием амнистий ослабляло действие этих мер всегда, когда условия классовой борьбы позволяли сделать это без нарушения интересов рабоче-крестьянского государства». Только в течение двух лет (1920—1921) Советское правительство Украины даровало различным категориям преступников 10 амнистий¹.

В подавляющем своем большинстве эти акты сочетали в себе полную и частичную амнистию, т. е. к одним осужденным они применяли амнистию полную, освобождая их от наказания вовсе, к другим — частичную, смягчая наказание или заменяя его другими, более мягкими видами. Ярким примером такого рода амнистий была амнистия, дарованная всем без исключения группам преступников IV Всеукраинским съездом Советов. Это был акт огромной политической важности, изданный Всеукраинским Центральным Комитетом и объявленный постановлением IV Всеукраинского съезда Со-

ветов в ознаменование освобождения земель Советской Украины от ненавистного врага рабочих и крестьян Деникина и его банд. Он был издан «вследствие наблюдаемого укрепления советской власти» и свидетельствовал о великодушии высшего органа государственной власти Советской Украины к лицам, провинившимся в прошлом.

Согласно этому акту было применено в широких размерах досрочное освобождение лиц, находившихся в заключении как по приговорам судебных установлений, так и по постановлениям административных органов. Освобождению подлежали все заключенные, за исключением осужденных или обвиняемых в участии в заговоре против советской власти и в содействии партиям и группам, поставившим себе целью вооруженную борьбу против советской власти, или совершении преступлений с явно корыстной целью, а равно тех, освобождение коих могло причинить вред интересам республики. Амнистированию, правда, частично, подвергались даже эти враги социалистического государства. Срок лишения свободы им был сокращен до 5 лет (если они, конечно, были осуждены на более длительные сроки). Были освобождены все дезертиры, добровольно явившиеся в воинские части до издания настоящего акта об амнистии. Дезертирам, приговоренным к высшей мере наказания — расстрелу, наказание было заменено лишением свободы до 5 лет.

Эта амнистия подчеркивала торжественность новой эпохи, в которую вступала молодая Украинская республика после разгрома кровавого врага — Деникина, и потому была столь великодушной.

Спустя полгода, 7 ноября 1920 года, Всеукраинский Исполнительный Комитет в ознаменование 3-й годовщины Октябрьской революции и героических побед Красной Армии над наймитом англо-французского капитала — Врангелем нашел возможным и необходимым освободить от ответственности и наказания всех тех, чьи преступления перед рабочим классом Украины не носили особо тяжкого характера. Постановление ВУЦИК от 7 ноября¹, как и постановление IV Всеукраинского съезда Советов, объединяло в себе и полную и частичную амнистию, но в связи с ожесточенной борьбой украинской Красной Армии на фронтах против Врангеля и внутренней контрреволюции полная амнистия была несколько урезана. Она совершенно не распространялась:

а) на виновных в контрреволюции, государственной измене, шпионаже, саботаже, разбое, грабеже, подлоге документов и подделке денежных знаков;

¹ Решение вопросов, связанных с помилованием и смягчением наказания, 14 февраля 1919 года перешло из компетенции судов к Рабоче-крестьянскому правительству Украины (СУ, 1919, № 9, ст. 118).

¹ СУ, 1920, № 25, ст. 539.

б) на лиц, осужденных приговорами судов или постановлениями административных учреждений, независимо от характера совершенных преступлений, к заключению в концентрационные лагеря до конца Гражданской войны, и в) на воспользовавшихся уже милостями, дарованными:

1) амнистией, объявленной IV Всеукраинским съездом Советов, и 2) помилованием.

В отношении виновных в преступлениях по должности, спекуляции, посягательстве на человеческую жизнь, причинении тяжких ран и увечий амнистия применялась в ограниченном размере.

Из всех предшествующих и последующих амнистий наиболее широкой была амнистия, объявленная V Всеукраинским съездом Советов в марте 1921 года¹. V Всеукраинский съезд Советов собрался после длительной и кровопролитной борьбы героической Красной Армии против полчищ внутренней и особенно внешней контрреволюции. Регулярные белогвардейские войска к тому времени были полностью изгнаны с земель Советской Украины, но борьба еще не была завершена. Рассеянные по областям Украины бандитские отряды, повукзаемые иностранными правительствами, продолжали вредить социалистическому государству.

В связи с этим съезд, с одной стороны, потребовал принять все меры к усилению беспощадной борьбы со всеми видами контрреволюции, а с другой, — желая предоставить всем нарушившим свой долг перед Рабоче-Крестьянской республикой возможность обращения на путь честного и добросовестного труда, объявил широкую полную и частичную амнистию. Постановление съезда* содержало в себе, помимо полной и частичной, условную амнистию.

Виновные в бандитизме, если они добровольно являлись в распоряжение местных властей не позднее 15 апреля 1921 года, сдавали все имеющееся у них оружие и давали обязательство не принимать участия в вооруженных выступлениях против советской власти, от ответственности освобождались. Подобная же амнистия распространялась и на украинских граждан, в том числе боровшихся на стороне врага против Рабоче-Крестьянского правительства, а затем эмигрировавших за границу во время или в связи с гражданской войной. Они тоже освобождались от наказания при условии добровольной явки и дачи искренних обязательств стать лояльными гражданами УССР.

Характерной особенностью этой амнистии являлось то, что она распространялась абсолютно на всех виновных в преступлениях или проступках, в том числе и на тех осужденных, наказание которых уже было снижено по предшеству-

¹ СУ, 1921, № 3, ст. 90.

ющим амнистиям, причем полная амнистия распространялась, согласно ст. 3 акта об амнистии, на всех виновных, наказание которых не являлось расстрелом. В последнем случае высшая мера наказания была заменена 5 годами лишения свободы.

Столь широкая амнистия объяснялась, главным образом, укреплением советской власти и тем, что Советская Украина после победоносного завершения гражданской войны переходила к мирному строительству.

За сравнительно короткий срок украинский народ под руководством коммунистической партии большевиков с помощью великого русского народа сумел разгромить вооруженные силы Центральной рады, гетмана, националистов, директории, немецких и польских оккупантов, Деникина и др. Руководители и вдохновители контрреволюционных правительств на Украине — всякие голубовичи, лизогубы, грушевские, винниченки, одинцовы, скоропадские, петлюры и пр., — чуя свою неминуемую гибель, разбежались, уступив место представителям революционных рабочих и крестьян, взявших в октябре 1917 года власть в свои руки и под руководством партии Ленина — Сталина с помощью революционной законности — оружия диктатуры пролетариата — неустойчиво идущих с развернутым красным знаменем победы вперед к коммунизму.